

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СВОЕЙ РЕСПУБЛИКИ ОТМЕЧАЮТ В ЭТИ ДНИ ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОЙ ТУВЫ.

СЕРДЕЧНЫЕ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ НОВЫХ УСПЕХОВ ШЛЮТ ИМ СЕГОДНЯ БРАТСКИЕ НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ.

МАСТЕРА

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Выступая перед избирателями Бауманского района столицы, Л. И. Брежнев призвал москвичей превратить столицу в образцовый коммунистический город. Этот призыв нашел горячий отклик у всех тружеников Москвы. Работницы 2-го Государственного ордена Трудового Красного Знамени подшипникового завода рассудили так: «Чтобы образцовым стал город, прежде всего такими должны быть заводы и фабрики. А начинать надо с цехов и участков».

С этим почином выступила мастер А. Ф. Борисова, одна из правофланговых пятилетки.

Шаболовка... Кому не знакома эта старинная московская улица?! Вся страна знает, что Шаболовка — это Шуховская башня, телецентр. И сюда ежедневно приходят тысячи писем. Но совсем рядом со знаменитой башней есть предприятие, которое по количеству писем может поспорить со своим «высоким» соседом. Сюда пишут автомобилисты и трактористы, авиаторы и судостроители, конструкторы точнейших приборов и станкостроители. Попробуйте представить отрасль промышленности, которая могла бы обойтись без подшипников. Нет такой! Поэтому-то и идут сюда письма, просьбы, заявки почти со всех предприятий Союза да еще из восьмидесяти стран.

ГПЗ-2 — старейший подшипниковый завод страны. Еще в 1924 году здесь были собраны первые советские подшипники. Потом они шли на изготовление тракторов и автомобилей, на них смонтированы кремлевские звезды, по ним скользили первые эскалаторы метро. Много славных страниц в истории завода. А одна из них такая: в начале Великой Отечественной войны завод наладил производство корпусов для грозных «Катюш».

— Как раз с «Катюш» и началась моя трудовая биография,— вспоминает Александра Федоровна Борисова. — На завод я пришла девчонкой, в начале сорок второго. Взяли меня учеником токаря и поставили обтачивать корпуса «Катюш». Как я их таскала — ума не приложу: каждая труба весила шестнадцать килограммов. Силы придавало то, что мы работали для фронта... Пятнадцать лет простояла я у токарного станка. А потом окончила вечернее отделение станкостроительного техникума и с тех пор работаю мастером...

Александра Федоровна пригласила нас в цех. Прошли токарный участок, миновали шлифовальный — обстановка, обычная для подобных цехов: черный асфальтовый пол, темные замасленные станки. Поднялись по ступенькам, повернули направо... Чистая, светлая комната. Шелестят вентиляторы. У стен — горшки с цветами, а на окнах совсем домашние занавески. Пол покрыт светлым линолеумом. Да и станки выкрашены белой краской.

А ведь это обычный сверлильный участок, где не обойтись без стружки, ветоши и масла. Стружка имеет обыкновение разлетаться в стороны, масло, как правило, подтекает, попадает на пол. Все это казалось неизбежным. Однако сверловщицы с участка А. Ф. Борисовой доказали, что подобная неизбежность относительна.

В любом подшипнике шарики зажаты между двумя плотно соединенными кольцами. Это сепаратор. А чтобы шарики плотно сидели в гнездах и кольца не разваливались, их соединяют заклепками. Для них и сверлят четырнадцать тонких отверстий.

На первый взгляд не такое уж сложное дело. Кольцо вставляют в специальный зажим — кондуктор, подставляют под сверло, и оно мягко вгрызается в металл. Но у одной работницы сверло ломается ежеминутно, а заменять его довольно хлопотно. У другой быстро затупляется, и приходится тратить время на заточку. Третья же напевает песенки, а кольца так и сыплются в коробку.

— Сколько нужно работать, чтобы набить руку, как вы? — спросил я у Нины Маровой, победительницы соревнования, проходившего под девизом «Лучшая по профессии».

— Лет пять, не меньше... Это только кажется, что работа сверловщика простая,— не отрываясь от станка, объясняла Нина. — К каждому металлу нужен свой подход. Вот, скажем, сталь. Тут сверлышко требуется острое. Нажим мягкий. И не дай бог не смахнуть стружку, попадет в отверстие — сверло тут же сломается. Другое дело латунь. Здесь надо кончик затупить, не то начнет виться стружка, а это тоже ведет к поломке. Опять же не забывай добавлять маслица. Но латунь хоть и мягкая, зато очень вязкая, так что сверлить ударом тоже нельзя. Нужна, если так можно выразиться, решительная мягкость...

Сотни тысяч подшипников выпускает завод. Три сборочных цеха не могут приступить к работе, если сверловщицы не снабдят их сепараторами. От этих молодых женщин зависит, сколько подшипников выпустит завод. Только за шесть месяцев нынешнего года ГПЗ-2 дал сверх плана десятки тысяч подшипников. И в этом бесспорная заслуга сверловщиц: многие из них взяли обязательство выполнить пятилетку за 3—4 года и теперь ежедневно дают сотни сверхплановых сепараторов.

С тех пор, как сверловщицы выступили с почином сделать свой участок образцовым, они работают особенно четко. Образцовый участок — это не только чистота и аккуратная прическа, это отношение к работе как к творчеству, сдача продукции с первого предъявления, научная организация труда, когда продумано все — от высоты стула и яркости освещения до цвета пола и ящичка для стружки. Это, наконец, желание сделать образцовым весь завод.

Особым вниманием Александры Федоровны Борисовой пользуется молодежь. До начала смены считанные минуты, и надо успеть не только дать задание, но и создать хорошее настроение.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

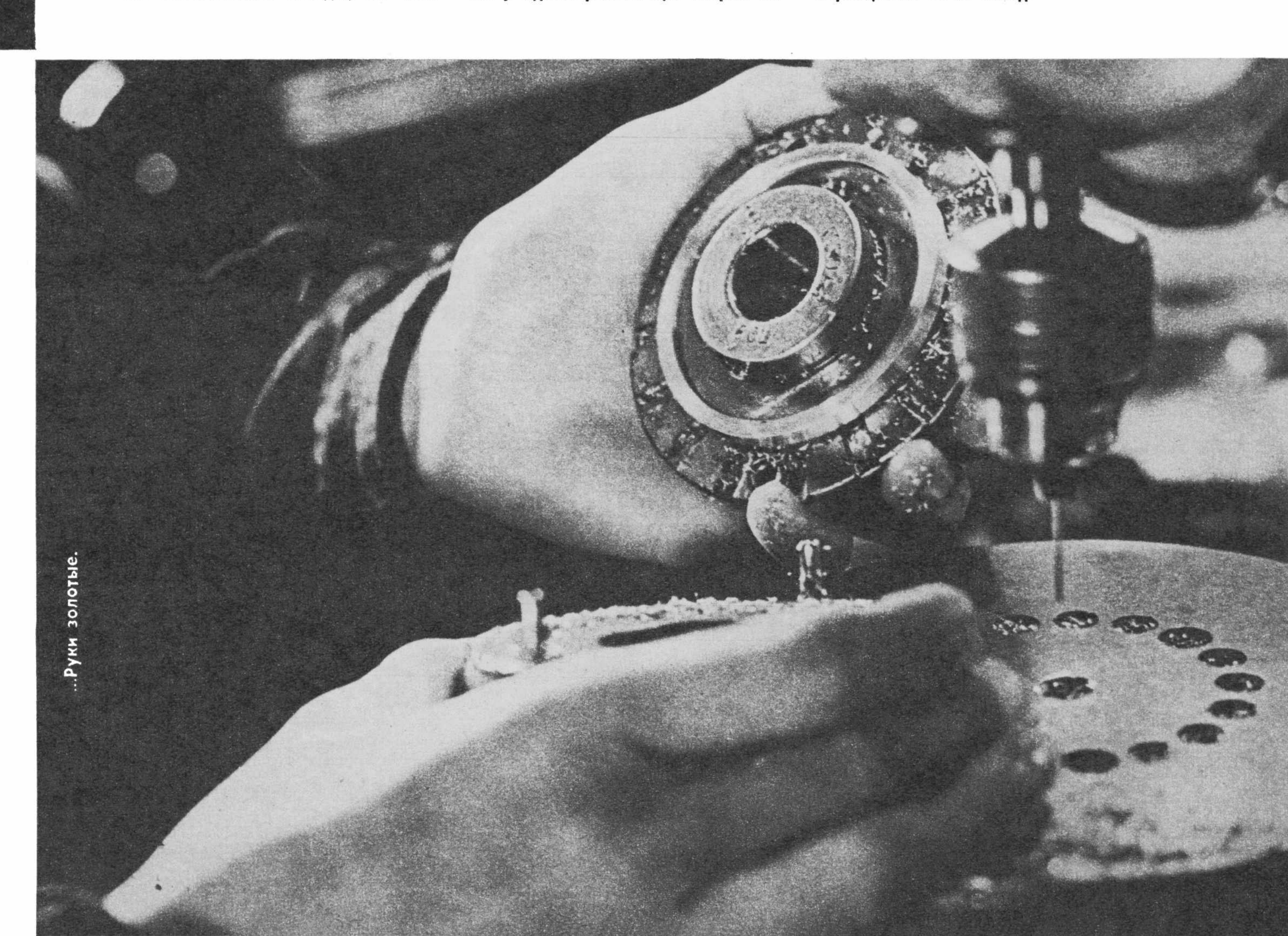
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2301)

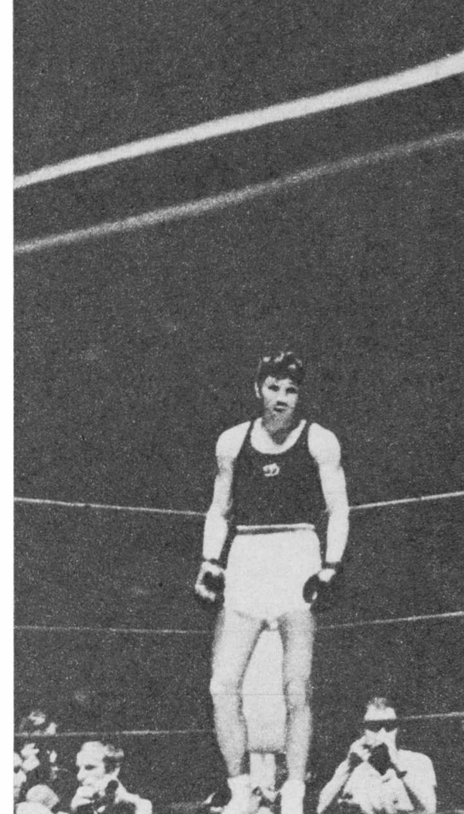
7 АВГУСТА 1971

◄ Когда капризничает станок, все обращаются к наладчику Виктору Бучинскому.

...Руки золотые.

Главный приз за первое место вручен спортсменам Российской Федерации.

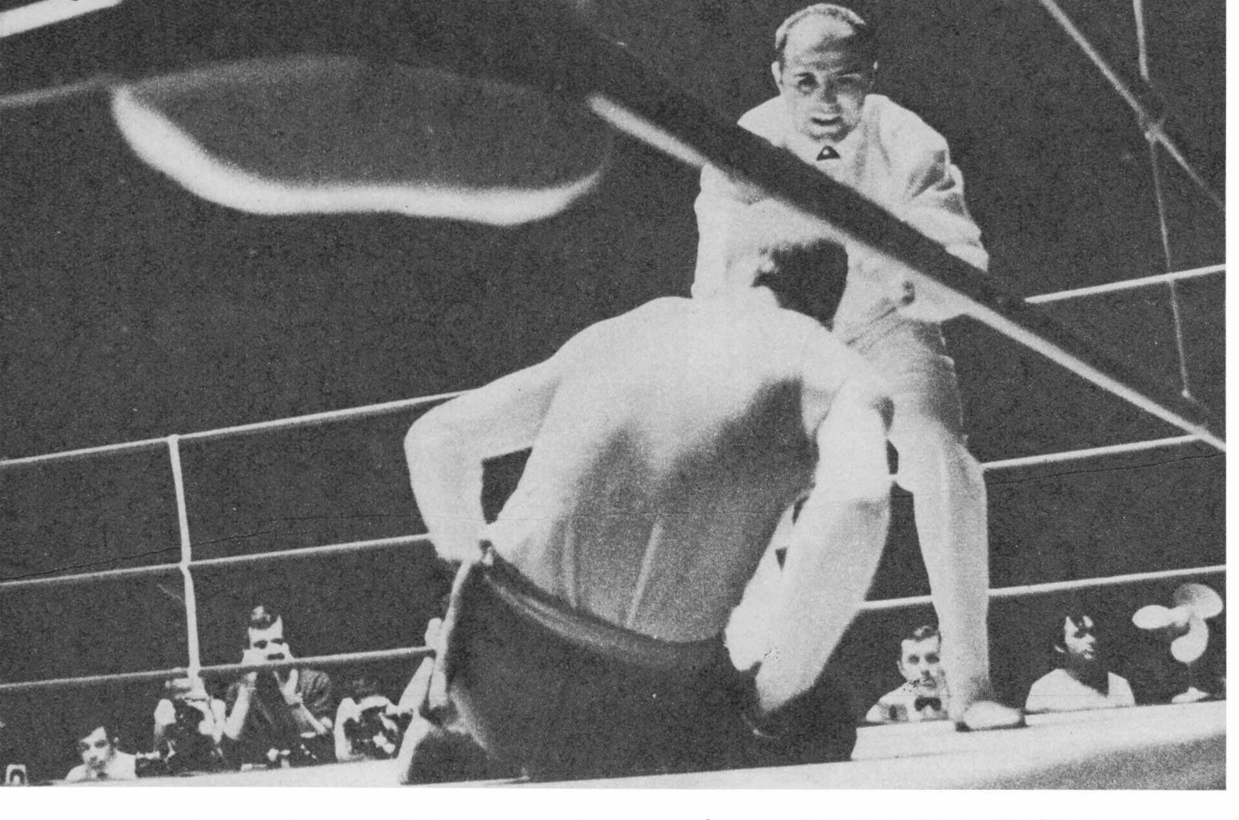
СЧАС

Участники V Спартакиады народов СССР разъехались по домам, и, конечно, с наибольшим торжеством встречали спортсменов Российской Федерации: ведь они впервые завоевали первое место, главный приз Совета Министров СССР, так и не дав себя догнать победителям всех предыдущих Спартакиад, москвичам. Но разве в городах и селах Украины меньше радовались успехам своих хлопцев и дивчат? Хоть и не удалось дружной команде украинских спортсменов закрепиться на втором месте, но третье призовое место осталось за ними. А команда Белоруссии? Высокое мастерство показали спортсмены, одетые в традиционную зеленую форму. Они добились отличных результатов во многих видах спорта и оттеснили ленинградцев на пятое место (на IV Спартакиаде белорусская команда была шестой и не попала в число призеров).

Но радость радостью, а расчет расчетом. Сейчас после счастливого финиша все хотят самым тщательным образом определить свои слабые места, использовать уроки

Т. Сафонова — чемпионка Спартакиады по прыжкам в воду с трамплина.

Р. Рискиев, боксер из Узбекистана, в финальном бою нокаутировал своего соперника.

Чемпион V Спартакиады по прыжкам в воду с вышки С. Кочарян.

ТЛИВЫЙ ФИНИШ

Фото Л. БОРОДУЛИНА, А. БОЧИНИНА.

Спартакиады для того, чтобы достичь новых спортивных высот. Работа эта большая, сложная, она потребует участия многих тренеров, спортивных статистиков, организаторов, но уже сегодня с помощью итоговых материалов, выпущенных для журналистов пресс-центром Спартакиады, мы можем хотя бы беглым взглядом окинуть позиции завоеванные и упущенные.

Мы уже писали о том, что создатели программы V Спартакиады народов СССР поступили совершенно правильно, поставив во главу угла соревнований легкоатлетический турнир. Легкая атлетика — ключевой вид спорта, и 341 очко, второе место спортсменов РСФСР имели решающее значение для общекомандной победы, а первенство, завоеванное украинскими легкоатлетами, помогло им закрепиться на почетном третьем месте.

Легкоатлетические соревнования V Спартакиады показали, что сейчас Украина является ведущей в этом прекрасном спорте. Спринтер Валерий Борзов, средневик Евгений Аржанов, прыгун в высоту Рустам Ахметов стали подлинными героями Спартакиады.

Большое внимание уделялось на Спартакиаде выступлениям пловцов. Команда РСФСР заняла в плавании второе место, уступив лишь москвичам, что еще больше укрепило позиции лидеров Спартакиады, но проверка возможностей наших пловцов показала, что этот спорт, занимающий второе место во всем олимпийском реестре, по-прежнему не радует нас. Только два пловца — кролист В. Буре и брассист Н. Панкин — блеснули результатами международного класса.

Подлинным праздником спорта стали выступления наших замечательных гимнастов и штангистов. Отлично выступили гимнасты Москвы. Мы уже отмечали большой успех гимнастов Белоруссии, а вот теперь еще более очевидна неудача украинских спортсменов, которые оказались в этом виде спорта всего лишь шестыми. Ну что же, нет сомнений, что руководители украинского спорта, изучая результаты, показанные их гимнастами на Спартакиаде, наметят ряд мер, которые вернут украинской гимнастике ее ключевые позиции. Зато штангисты Украины выступали отлично и являлись главными соперниками штангистов РСФСР. Русские тяжелоатлеты никому не уступили первенства, а их лидер Василий Алексеев за один день установил семь мировых рекордов. Такого успеха еще не знала история мировой тяжелой атлетики.

Если тяжелая атлетика является как бы национальным видом спорта России, то Грузия по-прежнему может гордиться своими борцами (команда Грузии заняла первое место по вольной борьбе, второе — по классической и третье — по самбо), а Белоруссия — своими фехтовальщиками. Такое пристрастие к тому или другому виду спорта в республиках надо всячески поощрять, и, конечно же, казахстанские современные пятиборцы могут быть довольны своим вторым местом, а киргизские конники — пятым. Но разве прочные позиции грузинских борцов могут уравновесить неудачи грузинских легкоатлетов? Ведь было время, когда и легкая атлетика была в Грузии поистине национальным видом спорта, а на V Спартакиаде народов СССР грузинские легкоатлеты оказались лишь девятыми. Нет, увлекаясь тем или другим спортом, надо уделять внимание и тем, что отстают.

Много вопросов поистине первостепенного значения выдвинула V Спартакиада, и сейчас важно лишь одно — от этих вопросов не отмахиваться, искать правильных решений. А пока спортсмены и их воспитатели (687 тренеров были награждены специальными медалями за подготовку чемпионов и призеров V Спартакиады народов СССР) разъехались по домам и уже приступили к дальнейшим тренировкам. Спартакиада завершена, спортивная жизнь продолжается. И вот уже лучшие легкоатлеты выехали в Хельсинки на чемпионат Европы, готовятся к первенству мира штангисты. В августе спортсмены СССР примут участие в 29 чемпионатах мира и Европы.

На тандемах.

Первая рапира Спартакиады — белорусская спортсменка Елена Белова.

Нина Петрова была сильнейшей в комплексном плавании.

ПЕПЕЛ ВОЙН И БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЫ

Спартак БЕГЛОВ

Август 1914 года поставил народы Европы лицом к лицу с войной, не знавшей себе равных в предыдущей истории, перед кровавой бойней, которую империалисты готовили втайне от народов и которая не принесла им ничего, кроме неимоверных потерь и страданий. С тех пор те дни 1914 года вошли в историю как черные даты империализма, как дни борьбы и протеста против милитаризма и войны.

Европе суждено было перенести больше войн и разрушений, чем какому-либо другому континенту. И среди них самую жестокую — войну против фашизма. Войну последнюю? Ответ на этот вопрос целиком зависит от способности широкой общественности континента и миролюбивых правительств объединить усилия, чтобы довести до конца дело создания системы коллективной безопасности.

Летом этого года исполнилось пять лет, как социалистические страны — участницы Варшавского договора выступили в Бухаресте с Декларацией об укреплении мира и безопасности в Европе. Это была не первая инициатива социалистических стран в деле борьбы за прочный мир в Европе. Но истекшее пятилетие прошло под знаком особой активности всех миролюбивых сил, ибо предложения социалистических стран, подтвержденные и уточненные впоследствии, нацеливают на конкретные дела — созыв общеевропейского совещания, переговоры по сокращению вооруженных сил и вооружений и т. д. Пожалуй, еще никогда в истории Европы среди широкой общественности не было такого единства мнений по большому кругу вопросов, относящихся к судьбам мира на нашем континенте.

Наглядный тому пример — итоги консультативной встречи представителей европейской общественности, проходившей в Брюсселе 22—24 июня этого года. Участники встречи, прибывшие из большинства стран Европы и представлявшие различные организации и общественные течения, высказались в пользу созыва Ассамблеи представителей общественных сил Европы, которая должна послужить мощным стимулом к единству действий в благородном деле обеспечения европейской безопасности. В брюссельской встрече приняли участие представители недавно созданного общественными организациями нашей страны Советского комитета за европейскую безопасность.

Советские люди проявляют самый активный и живой интерес ко всем начинаниям в области европейской безопасности, будь то широкие акции антивоенных, миролюбивых сил, какой должна явиться Ассамблея представителей европейской общественности, или мероприятия правительств. Программа активной защиты мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, выражает решимость советских людей бороться за международные отношения нового типа.

Можно с удовлетворением отметить, что советская программа как своими общими положениями, так и предложениями, касающимися непосредственно европейского континента, вызвала самый благоприятный отклик в общественных кругах Европы, вселила новые надежды на успех общего дела. Из правительственных кругов подавляющего большинства европейских стран также поступили мнения, что необходимо движение вперед, особенно в таких вопросах, как созыв общеевропейского совещания. Однако это движение всячески пытаются замедлить силы, которые служат военно-промышленному комплексу США и целям НАТО. Они все еще не отказались от тактики «оговорок», «предварительных условий» и попыток превратить саму процедуру подготовки совещания в цепь проволочек.

Стремление европейских народов к миру и подлинной безопасности неодолимо. Но для того, чтобы назревшая необходимость стала реальностью, важно своевременно и полностью использовать существующие сейчас благоприятные возможности. Каждое правительство и общественное движение, от которых зависит вклад в дело европейской безопасности, несут большую ответственность перед историей, перед своими народами, перед будущим Европы. Уклониться от этой ответственности равносильно тому, чтобы стать вольным или невольным пособником сил, которые тянутся к мечу войны, реванша и милитаризма. Память о десятках миллионов жертв прошлых войн и счастье будущих поколений требуют честной и открытой политики, прямого курса к Европе прочного мира.

Снова в центре внимания мировой общественности инициатива социалистических стран. Как известно, 2 августа в Крыму состоялась дружеская встреча находившихся на отдыхе в СССР руководителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Чехословакии, Советского Союза. В ходе обмена мнениями значительное внимание они уделили вопросам упрочения европейской безопасности. Участники встречи выразили убеждение, что коренные интересы европейских народов требуют активных шагов по разрядке напряженности со стороны всех европейских государств. Созыв общеевропейского совещания, ратификация договоров ФРГ с СССР и ПНР, урегулирование проблемы Западного Берлина, признание мюнхенского соглашения недействительным с самого начала, сокращение вооружений и вооруженных сил в Европе могут и должны стать важными вехами на пути утверждения прочного европейского мира.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Николай ТУРКАТЕНКО

В Белфаст я прилетел поздним вечером. В номере гостиницы «Гранд Сентрал» мирно тикали большие настенные часы. Как бы сделав глубокий вдох, они начали отбивать удары... Девять, десять, одиннадцать, две... И тут где-то совсем рядом грохнул взрыв. Подпрыгнули стоявшие на столиках кружки, стаканы, пепельницы. Огромное окно, напротив которого я сидел, покрылось сетью трещин... Через короткий интервал ударил еще один взрыв... Я бросился вниз по лестнице. Тротуары были засыпаны битым стеклом и кусками штукатурки. Несколько броневиков «сарацинов» блокировали с обеих сторон улицу, прикрывая пешие патрули пулеметами.

На следующий день по Ройал авеню ожидалось шествие отрядов религиозно-политического ордена оранжистов. Были ли ночные взрывы рассчитаны на то, чтобы напугать оранжистов? Одни говорят «да», другие утверждают, что они явились делом рук членов отрядов «ольстерских добровольцев», этой в общем-то нелегальной, но действующей вполне открыто вооруженной силы самого же оранжистского

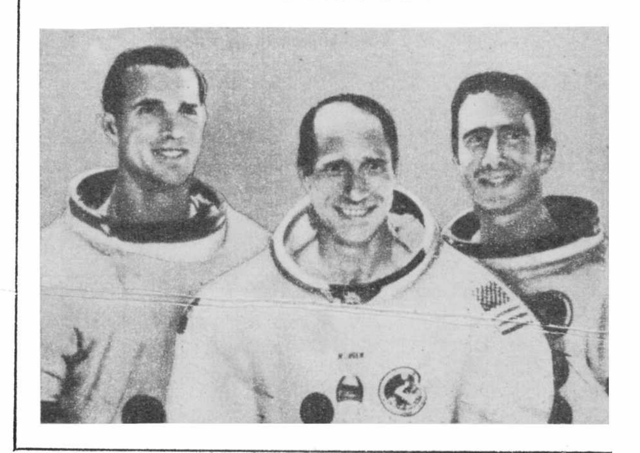
В ОЛЬ

ордена. «Ольстерские добровольцы» терроризируют жителей католических гетто и устраивают провокации со взрывами, чтобы не только оправдать свои нападения на жителей католических районов и участников движения за гражданские права, но и помочь властям сохранить режим осадного положения в Ольстере. Но так ли уж сильны религиозные предрассудки?

Официозная пропаганда утверждает, что именно для предотвращения кровопролитий между протестантами и католиками и находится в Ольстере одиннадцатитысячная английская армия. Причины, на которых зиждется рознь между протестантами и католиками, гораздо более глубокие. В ее основе лежит старый принцип «разделяй и властвуй».

В результате бурных выступлений ирландцев в разные периоды истории за независимость своей страны, после того как стало ясно, что с помощью оружия невозможно подавить это движение, Англия в 1921 году предоставила Ирлан-

ПУТЕШЕСТВИЕ «АПОЛЛОНА-15»

дии независимость, отделив, однако, от нее Ольстер и оставив его под своей властью. Все богатства и земли Ольстера находятся в руках земельной аристократии и крупной буржуазии.

Сейчас в Ольстере число безработных достигает 10 процентов от числа работоспособного населения. Подавляющее большинство среди них — католики. В некоторых католических районах число безработных достигает 40—60 процентов от общего числа работоспособных жителей. На крупнейших судостроительных верфях Ольстера «Харланд энд Вольф» занято более двадцати тысяч человек, а католиков среди них всего около двухсот. Остальные — протестанты.

Наибольшими привилегиями в Ольстере пользуются те протестанты, которые являются членами ордена оранжистов. Этот орден охватил сетью своих организаций весь Ольстер. Заседания лож ордена проводятся в строгой тайне. Руководящие посты в ордене оранжистов занимают землевладельцы, банкиры, промышленники, торговцы. С теми, кто разоблачает засилье оранжистов в жизни Ольстера, расправляются «ольстерские добровольцы», преемники печально известных «специальных сил-Б». Хотя «ольстерские добровольцы» не являются формально ле-

Английская армия сражается против трудящихся-католиков. Фото ЮПИ.

СТЕРЕ СНОВА ТЕРРОР

гальной вооруженной организацией, все они имеют оружие на том основании, что состоят членами «охотничьих» и «спортивно-стрелковых» клубов. Католиков в эти клубы, естественно, не допускают. Молодчики из числа «ольстерских добровольцев», к которым весьма близок фашиствующий пастор Ян Пейсли, осуществляют террор против жителей католических районов, выступают зачинщиками столкновений между протестантами и католиками. Именно они являются рьяными противниками объединения в движении за гражданские права трудящихся католиков и протестантов. Английская армия полностью поддерживает оранжистов.

В Лондондерри мы видели места, где совсем недавно солдатскими пулями были сражены жители рабочего района Богсайд 19-летний Десмонд Битти и 28-летний Симус Кьюсак. На асфальте — обвитые черными лентами венки, иконки.

Английские солдаты добросовестно выполняют приказы. Мы видели их в действии. Нас провели к длинному склону невысокого холма, в самом центре рабочего католического Лондондерри. У двойного ряда колючей проволоки разгорается сражение. «Мы хотим работы!», «Солдат — с фабрики! Фабрику — нам!» — выкрикивают демонстранты. Они забрасывают лагерь градом камней. Солдаты открывают огонь из широкоствольных коротких ружей, стреляющих резиновыми пулями. Вот здесь я и узнал, что никакая это не пуля, а целый снаряд из черной литой резины длиной 15 и диаметром 4 сантиметра. Теперь этот ольстерский «сувенир» стоит на моем письменном столе.

Где же выход из кризиса в Ольстере? С таким вопросом мы обращались ко многим: к протестантам и католикам, к членам правящей юнионистской и оппозиционной партий, к профсоюзным руководителям и членам стормонта, к участникам движения за гражданские права. Ответы часто были противоречивыми и порой безысходными.

Однако есть в Ольстере люди, которые хорошо понимают, как надо бороться и за что бороться. Они видят главную задачу в том, чтобы добиваться единства среди трудового населения, вовлечения в движение за гражданские права самых широких масс трудящихся, как католиков, так и протестантов. Только единство и организованность, говорят они, будут залогом успеха трудной борьбы против сил реакции. Именно такую позицию занимает Коммунистическая партия Ирландии. Руководители североирландского отделения КПИ товарищи Хью Мур и Эндрю Барр убеждены в том, что выход из ольстерского кризиса лежит в создании широкого союза всех сил, выступающих против правления юнионистской партии в Ольстере с целью добиться претворения в жизнь обещанной программы реформ, которую ольстерские власти предпочли положить под сукно.

Сейчас, когда пишутся эти строки, в Белфасте, Лондондерри, Ньюри, Арме, Кукстауне и других городах и населенных пунктах Ольстера отряды солдат, агенты Скотланд Ярда и североирландская полиция врываются в дома жителей, производят повальные обыски и аресты. Всех подряд, в том числе женщин, стариков и детей, поднимают среди ночи с постелей, выгоняют на улицы. «Все мужчины — марш к стене, лицом к стене, руки вверх!» — орут солдаты, тыча в животы и спины людей дулами автоматов. Всех долго и тщательно обыскивают. Заподозренных в связях с «ирландской республиканской армией», члены которой защищают население католических районов от нападений банд протестантских ультра, швыряют в грузовики и увозят.

«Силы безопасности,— заявил министр внутренних дел Англии Реджинальд Модлинг,— начали новую фазу борьбы, которая будет вестись с максимальной энергией».

Новая волна репрессий вряд ли удивит многострадальный Ольстер. Она лишь еще больше обострит кризис и может привести к новому взрыву.

Белфаст — Лондондерри — Лондон.

---

26 июля с мыса Кеннеди стартовал на Луну космический корабль «Аполлон-15» с тремя космонавтами на борту. Командир корабля тридцатидевятилетний полковник Дэвид Скотт раньше уже дважды побывал в космосе. Он участвовал в полетах на кораблях «Джемини-8» и «Аполлон-9». Два других члена экипажа — майор Альфред Уорден (40 лет) и подполковник Джеймс Ирвин (39 лет) — впервые отправились в космос. Все участники новой американской экспедиции на Луну — выпускники Массачусетского технологического института, военные летчики.

Вскоре после того как «Аполлон-15» вышел на селеноцентрическую орбиту, на Луну упала последняя ступень ракеты-носителя «Сатурн». Еще когда вблизи нашей планеты она отделилась от «Аполлона-15», по команде с Земли ее развернули и направили к Луне. Упала она примерно в 190 километрах от того места, где был установлен сейсмометр космонавтами «Аполлона-14». Сейсмические колебания, вызванные ударом этой ступени, продолжались несколько часов. Анализ их характера позволит ученым прозондировать структуру недр Луны на глубину 50—100 километров.

Скотту и Ирвину в отличие от ступени носителя их корабля надо было опуститься на лунную поверхность мягко. Космонавты снизили орбиту, так что в нижней точке их от лунных гор отделяло всего тринадцать километров. «Нам кажется, что мы проходим так низко, что хочется закрыть глаза и поджать ноги, чтобы не удариться о вершины»,— пошутил Скотт.

В субботу, 31 июля, в 1 час 03 минуты ночи космонавты включили двигательную установку посадочной ступени лунной кабины и через двенадцать минут прилунились возле небольшого кратера.

«Контакт. О'кей, Хьюстон. «Фалкон» на плато Хэдли»,— раздался голос Дэвида Скотта, доложившего на контрольный пункт о благополучной посадке лунного модуля «Фалкон».

...Первым из кабины вышел командир «Аполлона-15» Д. Скотт, а за ним через несколько минут и Д. Ирвин. Космонавты собрали первые образцы лунного грунта, сфотографировали окружающую местность. Затем они привели в рабочее положение луноход, «Лунный скиталец», как его уже окрестили, который и был использован для передвижения по Луне. «Лунный скиталец» был не первым. Ему предшествовал русский луноход»,— констатировала газета «Нью-Йорк таймс», помещая снимок советского аппарата.

Первую поездку космонавты Д. Скотт и Д. Ирвин совершили к подножию горы Хэдли Дельта. Они осмотрели трещину Хэдли. Оказалось, что дно этого разлома лунной поверхности плоское. «У этой трещины совершенно неземной вид»,— отметили космонавты. Достигнув кратера Сент-Джордж, расположенного в четырех километрах от лунной кабины, и собрав образцы породы, космонавты вернулись назад к лунной кабине.

Лунный вездеход показал себя в работе хорошо. Правда, космонавты отмечали сильную тряску, несмотря на то, что грунт был сравнительно ровный. Очевидно, это объясняется меньшей силой тяжести на Луне.

Примерно в ста метрах от кабины они начали установку научных приборов. При сверлении скважины для приборов, измеряющих тепловые потоки, Скотту пришлось изо всех сил налегать на бур: породы оказались твердыми. Наличие твердой породы на глубине двух метров очень заинтересовало селенологов: возможно, космонавты достигли скального основания.

В воскресенье, 1 августа, космонавты совершили второе путешествие на лунном вездеходе. На следующий день начался третий выход космонавтов Д. Скотта и Д. Ирвина на поверхность Луны. На луноходе они направились к борозде Хэдли, где продолжали сбор образцов лунного грунта, а также вели фотокиносъемку. Вне лунной кабины космонавты пробыли на Луне около восемнадцати с половиной часов.

Лунная кабина с космонавтами Д. Скоттом и Д. Ирвином на борту 2 августа стартовала с поверхности Луны и провела стыковку с основным блоком «Аполлона-15», обращающимся по селеноцентрической орбите, где их ждал космонавт А. Уорден.

Отважные лунные путешественники возвращаются на Землю.

На снимке: экипаж космического корабля «Аполлон-15» (слева направо) Дэвид Скотт, Альфред Уорден и Джеймс Ирвин перед полетом.

Фото ЮПИ — ТАСС.

Военные корабли НАТО в порту Ла-Валлетты.

Владимир ДУНАЕВ

МАЛЬТИЙСК

Встречи пришлось ждать три года. На лондонской улице Хеймаркет в доме Мальты мне говорили: «Вам снова отказано в визе. Это распоряжение Дворца Арагон».

И вот набережная мальтийской столицы-крепости Ла-Валлетты, площадь Независимости и Дворец Арагон. Резиденция премьер-министра. «Распоряжение» исходило от Борга Оливье, главы прежнего правительства.

Прежнего... Чем измеряется время — сутками, неделями или поступками, надеждами? Возвращаясь с лиссабонской сессии НАТО в Лондон, мы включили в автомашине приемник: в самом конце радионовостей диктор прочел сообщение — в две строчки — о смене правительства на Мальте. Была середина июня. Сейчас политические радиосводки часто начинаются с Мальты: «Мальта высылает натовского адмирала... Британского генерал-губернатора... Добивается нейтралитета... Объявляет недействительным навязанное Лондоном военное соглашение... Запрещает заход в свои порты американским эскадрам... Английскому авианосцу «Булварк»... Национализирует доки, которыми владела британская компания...»

Международный телетайп пульсирует. Снова Мальта... Экстренные совещания НАТО в Брюсселе. Чрезвычайные заседания английского кабинета в Лондоне... Мальта... Мальта...

А как там, на самой Мальте?

Оглянись во гневе...

Ко Дворцу Арагон подъезжает машина. Двое парней осадили мотоциклы прямо перед нами, из здания стремительно вышли люди с военной выправкой, оглядывая раскаленную от зноя площадь. У караульной будки напряженно застыл мальтийский солдат. Человек, сидевший за рулем автомашины, новый премьер-министр Мальты Доминик Минтофф, открыл дверцу и быстро прошел внутрь Дворца Арагон. В жестах, взглядах, движениях солдат и мотоциклистов сквозило не почтение и услужливая преданность телохранителей, а тревога единомышленников. В этом эпизоде было что-то электризующее, грозное: все может случиться на площади Независимости, откуда видны верхние этажи средиземноморской штабквартиры НАТО.

«Если мальтийцы хотят быть нейтральными, им лучше переселиться за Полярный круг»,— «телеграфировала» мнение НАТО лондонская газета «Дейли телеграф». Английский лорд Арран бьет в имперский набат: «Нужно применить все, повторяю, все средства, чтобы сохранить последний британский бастион в Средиземноморье».

Высланный с острова итальянский фашист и по совместительству натовский адмирал Бириnделли командует из Неаполя своими подчиненными на Мальте. Какие приказы он отдает? Что готовят британские батальоны в прижавшихся к каменистому берегу казармах? Какую операцию разрабатывают английские полковники, «ветераны» Суэца и Адена, за колючей проволокой военно-воздушной базы в Луке? У Мальты — 400 солдат, у Лондона на Мальте — тысячи. А британский министр обороны лорд Каррингтон вернулся с Мальты «разгневанным». Лидерам Мальты сейчас требуется все их личное мужество—и они его проявили. Но одного этого было бы мало, чтобы сдержать атлантическую армаду. На Мальте вдруг толчком распрямилась сдавливаемая столетиями пружина. Оглянись во гневе! Вчерашняя боль унижений стала сегодняшним массовым мужеством.

Английский крест Мальты

Четыре улицы прорезают Ла-Валлетту. Так задумал четыре века назад магистр Мальтийского ордена француз Жан де ла-Валлетт. По какой ни пойдешь сверху от городских ворот,— выведет она к лучшей в Европе природной гавани — Гранд-Харбор. По двум боковым ходят рыбаки да ребятишки. Самая широкая, подсвеченная заходящим солнцем аллея желтых с бойницами-окнами домов собирает к вечеру толпу безразличных англичан, владельцев окрестных вилл, восторженных пожилых леди из Ливерпуля и фрау из Мюнхена, соблазненных туристскими проспектами. Когда «чистая публика» завершит свой моцион по уютному городскому променаду, только тогда оживает соседняя улочка по имени Гат. Стыдливо прячась от солнца и полиции в глубоком колодце между безглазыми, дряхлыми домами, она ждет своего часа в стремительной южной темени. Тогда — сверху из крепости и снизу из гавани — ее берут на абордаж моряки американских крейсеров и английских авианосцев. Они проходят мимо сидящих на скамейках женщин, долго выбирают, торгуются, исчезают в подъездах и выныривают в трактирах.

Так было здесь и столетие и полтора назад. С тех пор, как Мальта стала английским владением. Списанные на берег моряки оседают

Все осталось таким, как было в средневековье.

Фото ЮПИ.

прекрасный остров с его гаванями и доками во владение НАТО.

Вера, надежда, милостыня

Из Ла-Валлетты через туристский рай Сльемы, мимо казино, мимо английских военных казарм проезжаешь за двадцать минут к обдуваемому влажным сирокко северному мысу Марфа. Отсюда видны соседние острова Гозо и Комино, усеянные белыми грибами вилл. На Мальтийском архипелаге осело 8 тысяч богатых англичан, привлеченных низкими налогами, солнечными ваннами, левосторонним движением, колониальными порядками. «В Англии деньги перевели на десятичную основу, а здесь, знаете, как в старые добрые времена, все шиллинги в ходу»,— умиляется знакомый по Лондону адвокат. Бизнесмен из Южной Англии открыл здесь фабричонку и теперь две недели проводит в графстве Кент, а две недели — на Мальте. «Доходы здесь такие, что я уже приобрел яхту,— доверительно говорил фабрикант,— собираюсь открыть на Мальте вторую фабрику: рабочие руки обходятся недорого — кругом безработные».

Виллы, бассейны, гостиницы с кондиционированным воздухом, яхт-клубы... Ослепительно белые, перламутром отражающиеся в

Они «забыли» предоставить голодной, страдающей Мальте хоть один пенс, когда распределяли средства по плану Маршалла. Они оставили нам уродливую, привязанную к своим базам экономику, «подарили» нам безработицу, навязали грабительский военный договор, оставили нас с долгом в 43 миллиона фунтов.

И после этого они еще грозят «поставить нас на колени голодом и блокадой»,— сказал министр.— Если в сражении за призрачную, за чужую свободу Мальта выдержала все испытания, то за свою, долгожданную и выстраданную, мы готовы постоять до конца.

Им не ужиться

Опустела сейчас улочка Гат. Не сходит на берег американская морская пехота, не состоялся намеченный Вашингтоном на июль визит американского шестого флота, поменьше сагибов стало на Мальте. В свое время лондонские газеты писали, что предвыборный манифест партии Минтоффа не стоит принимать всерьез — где это видано, чтобы предвыборные обещания выполнялись! А правительство Доминика Минтоффа последовательно добивается создания нейтральной Мальты, где будут находиться международные органы ООН, полного очищения остро-

ИЙ ДИНАМИТ

на этой улице, открывая питейные и прочие дома — на вкус нижних чинов королевского флота. Тут и «Тарзан», и «Пикадилли», и «Плейбой», и «Грязный Дик», совсем как в Лондоне, только дешевле — продается «колониальный товар».

«Каждый английский моряк чувствовал себя сагибом, господином, едва ступив на берег Мальты». Так рассказывает бывший матрос, а сейчас лондонский журналист Питер Дженкинс, который не раз утюжил клешем мостовую Гат в Ла-Валлетте. «Знаете, как называют мальтийцев английские моряки? Желтобрюхие подкидыши»,— откровенничает Дженкинс.

«Каждый англичанин ощущал себя маленьким империалистом, появляясь на наших улицах»,— об этом говорили мне, стиснув зубы, многие мальтийцы.

Так вела себя британская матросня, маленькие империалисты. А как держали себя империалисты покрупнее в «самоуправляющейся», а последние семь лет — «независимой» Мальте? Они сидели на своих виллах с бассейнами и не слонялись по притонам. Они «всего-навсего» запретили создавать на Мальте какую-нибудь промышленность. Потому что остров был их базой. Туземцам надлежало исполнять одну-единственную функцию — быть прислугой. Весь народ стал придатком британских эскадр и эскадрилий. В докладе британской королевской комиссии в свое время было записано: «В течение 160 лет экономическая структура Мальты была неестественной: население обслуживало исключительно военные министерства Соединенного королевства».

Нет, высшие чины колониальной администрации не нанимали сами чистильщиков обуви или официантов для господ моряков и не переселяли мальтийских девушек на улицу Гат в дома терпимости. Они, проявляя терпимость, разрешали «лишним ртам», тем, кому не находилось места на базах, уезжать с Мальты. В Австралии и Канаде сейчас больше мальтийцев, чем на самом острове.

Это они, британские министры, губернаторы и адмиралы, душили 300 тысяч мальтийцев безработицей и голодом, заставляя их посылать своих дочерей на панель, а сыновей — на заработки на чужбину.

И это они внушали мальтийцам через свои газеты, через принадлежащие английской компании радио и телевидение, что те не смогут и дня прожить, не чистя сапоги маленьким империалистам, не зазывая в таверны и притоны британских чинов, не отдавая свой средиземноморской лазури. Только стоит отойти в глубь острова, в заросшие кактусами каменные склепы мальтийских деревень, в потрескавшиеся от зноя поля, как все это белое прибрежное ожерелье вилл и пляжей покажется морской пеной. Мальтийцы две тысячи лет живут в глубине острова. Там безопасней, там не нагрянет непрошеный корвет, там находится древняя столица Мальты — непокоренный «город молчания» — Мдина.

Нашествие за нашествием стирали прибрежные города, а Мдина пережила их все: и римскую империю, и оттоманскую, и Мальтийский орден, и французское и британское нашествие, и осаду в годы второй мировой войны.

— Ящики с тремя разобранными самолетами—вот все, что оставили тогда англичане,— рассказывает один из лидеров новой Мальты, министр информации Поль Науди,— знаете, как мы окрестили те самолеты? «Вера», «Надежда», «Милостыня». Мы не хотели милостыни, но мы верили, мы надеялись на свободу и выдержали голод, блокаду, бомбежки. Мы выстояли против авиации Гитлера, против флота Муссолини.

Англичане наградили Мальту тогда крестом Святого Георга. Но они «забыли» дать нам свободу. ва от штабов и флотов НАТО, пересмотра соглашения с Англией и постепенного освобождения от британского присутствия на острове. Не удивительно, что требования Мальты вызвали такой шок, а затем приступ ярости в натовских столицах. Мальту сейчас шантажируют, ей грозят, ее запугивают, надеясь сохранить в качестве непотопляемого авианосца, навечно зачисленного в состав шестого американского флота.

...Есть на Мальте настоящая крепость, не та, что строилась крестоносцами или британскими завоевателями. Это пролетарская крепость, основа независимости мальтийской экономики,— доки Ла-Валлетты. Длившаяся 8 месяцев стачка ее рабочих привела к власти новое правительство Мальты. Докеры, объединенные в профсоюз, стали сейчас хозяевами порта. Они первыми потребовали убрать с Мальты атлантические базы, сбросить английские цепи, открыть судоходство по Суэцкому каналу, национализировать доки. Это они, докеры Ла-Валлетты, не дают покоя атлантическим штабам. Им здесь никак не ужиться на одном острове — рабочим Мальты и адмиралам НАТО.

Ла-Валлетта,
по телефону.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН ВАМ, БРАТЬЯ!

С. К. ТОКА,
Первый секретарь Тувинского обкома КПСС

В нынешнем году у нас в Тувинской АССР большой праздник — трудящиеся отмечают 50 лет национальной революции в республике. Тувинская национальная революция явилась прямым следствием Великой Октябрьской социалистической революции. Буквально в первые дни Октября его волны докатились за Саянский хребет, в далекую Туву, осветили непроглядный мрак нашей жизни великим ленинским учением. После победы трудящихся России революционное движение всколыхнуло не только многие государства Европы, но и наиболее забитые страны Азии: не прошло и четырех лет, как народная власть была установлена в Монголии, а вслед за тем и в Туве. И если Монголия — вторая страна, вступившая на путь социалистического развития, то третьей стала маленькая Тува.

Тува была вторым государством в мире, признавшим Советскую Россию,— так мы тогда ответили на заботу русского народа, Российской коммунистической партии, протянувшей руку братской помощи трудящимся Тувы. Мы всегда ощущали поддержку русского народа. Еще в восьмидесятых годах прошлого века, когда вспыхнуло восстание шестидесяти богатырей против гнета маньчжуро-китайских захватчиков и местных феодалов, наш народ сложил песню, в которой были такие слова: «Там, за Саянами, есть хороший русский человек, который поможет нам победить, а если будет нам тяжело, примет нас под свою защиту».

Важным этапом в жизни Тувы стала национальная революция 13—16 августа 1921 года. В эти дни в местности Суг-Бажи (ныне Кочетово, Тандинского района) проходил Всетувинский Учредительный Хурал, на который собрались представители всех хошунов (районов) Тувы. Присутствовали на нем также делегация Советской России, представители Монголии и дальневосточного секретариата Коминтерна. 14 августа Хурал принял историческую резолюцию, в которой говорилось: «Народная Республика Танну-Тува является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством свободного народа, в международных же отношениях Республика Танну-Тува действует под покровительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Так была провозглашена Тувинская Народная Республика — ТНР.

Но обстановка в Туве оставалась крайне сложной, а у трудовых аратов не было своей политической организации — революционной партии. Возникла острая необходимость в ее создании, без этого нельзя было бы организовать аратские массы на борьбу за укрепление нового, революционного строя в стране. Без ориентации на Советскую Россию, на ее Коммунистическую партию невозможно было дальнейшее развитие молодой Тувинской республики. Борьбу за создание партии возглавил простой арат, бедный крестьянин Оюн Курседи. Несмотря на яростное сопротивление феодалов и лам, тувинские революционеры, опираясь на братскую помощь работавших в Туве большевиков из России, шаг за шагом развертывали работу по созданию своей партии.

В конце октября 1921 года состоялось первое партийное совещание, на котором было создано организационное бюро, обратившееся с Манифестом к тувинскому народу. 28 февраля 1922 года в поселке Туран собралось второе партийное совещание, провозгласившее образование Тувинской народно-революционной партии. В историю Тувы оно вошло как I съезд ТНРП.

В это время в рядах партии насчитывалось всего около ста человек. Но как большая река рождается из маленького родника, так из этой сотни впоследствии вырос сильный отряд коммунистов Советской Тувы, отряд, в рядах которого ныне состоит более 10 тысяч сынов и дочерей нашей республики.

До установления народной власти основным занятием тувинца было примитивное животноводство. О промышленности мы тогда и понятия не имели, а уж о разных машинах и говорить не приходится: не было даже телеги или саней, ездили верхом, а грузы возили во вьюках. Но и после национальной революции темпами роста мы похвастаться не могли. Уж очень медленно шло развитие национальной экономики с 1921 по 1944 год. Назову такие цифры: в Туве в то время имелось 50 автомашин, 40 тракторов, 3 комбайна. Когда появился первый комбайн, люди сотнями приезжали посмотреть на это чудо, целыми днями за ним ходили, а потом дома рассказывали, что есть вот такая штука, которая хлеб не только жнет да молотит, но еще и в мешок насыпает! У нас-то ведь и жать не умели — щипали по колоску... И народ понял: в одиночку нам наследственную отсталость не преодолеть. Необходимо войти в состав Советского Союза и с его помощью быстрее поднять Туву. Нужно сказать, что мы всегда чувствовали себя братьями советских людей и хотя юридически организационно не входили в состав СССР, фактически никогда не отделяли себя от братской семьи его народов. Яркое свидетельство тому — Великая Отечественная война. Уже 22 июня 1941 года на X Великом хурале ТНР была принята Декларация, в которой говорилось: «Тувинский народ, не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним». Слова эти подтверждались делами. На фронт было отправлено около 40 тысяч боевых коней, 5 эшелонов подарков, свыше 50 тысяч пар лыж, 10 тысяч полушубков. В 1944 году тувинский народ передал в порядке безвозмездной помощи 26 тысяч голов скота колхозам Украины, освобожденным от фашистской оккупации.

На фронтах Великой Отечественной войны плечом к плечу с воинами Советской Армии сражались тувинские добровольцы — танкисты и кавалеристы, покрывшие себя боевой славой. Мы с гордостью называем имена наших земляков, беззаветно сражавшихся против гитлеровских полчищ. Это Герои Советского Союза Хомушку Чургуй-оол, Михаил Бухтуев, Николай Макаренко, а также отважные бойцы Монгуш Чот, Оюн Сенгии, Сат Бурзекей, наши славные девушки Кыргыс Сынаа, Ховалыг Бичен, Анастасия Пахомова и многие другие тувинские воины. Именно в эти тяжелые военные годы и развернулось среди трудящихся аратов патриотическое движение за вхождение Тувы в состав СССР.

Выражая волю тувинского народа, VII Чрезвычайная сессия Малого хурала ТНР в августе 1944 года обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой принять ТНР в состав Советского Союза. 11 октября 1944 года на основе всенародного волеизъявления трудящихся Тува была принята в состав Советского Союза. В Российской Федерации появилась Тувинская автономная область, преобразованная в 1961 году в Тувинскую АССР. Это было великое событие в жизни нашего народа, славный итог развития Тувы по некапиталистическому пути к социализму.

Вхождение ТНР в состав Советского Союза открыло перед тувинским народом небывалые перспективы. По существу, заново были созданы такие отрасли промышленности, как энергетическая, угольная, строительных материалов, мясо-молочная, пищевая. Построен ряд промышленных предприятий, среди которых первая очередь Ак-Довуракского асбестового комбината, несколько тепловых электростанций. Вступили в строй и расширяются комбинат «Тувакобальт», Терлиг-Хаинское ртутное предприятие. Все промышленные объекты не перечислишь. Широкое развитие получил автомобильный и воздушный транспорт. В республике нет ныне такого уголка, куда не летали бы самолеты. Основной наш транспорт — автомобильный — вырос необычайно. Только на тракте Кызыл — Минусинск теперь курсирует 7 тысяч автомобилей, а помните, я называл цифру: когда-то у нас было всего 50 автомашин.

Растет, преобразуется и сельское хозяйство. Все араты перешли на оседлый образ жизни. Надолго оторванными от дома остаются пока чабаны, но мы поставили задачу — организовать посменную пастьбу и перевести чабанов на постоянное жительство в поселки. Тогда чабан сможет пять дней находиться с отарой, а пять — жить в поселке, пользуясь всеми благами культуры.

Решения XXIV съезда КПСС, Директивы по девятому пятилетнему плану открывают перед нами еще более широкие горизонты. Предстоит ввести в строй вторые очереди асбестового комбината и комбината «Стройдеталь», завершить строительство ряда шоссейных дорог, построить предприятия пищевой промышленности, расширить службу быта.

До национальной революции Тува была крайне отсталым краем. Пожалуй, не нашлось бы на свете более заброшенного уголка и забитого народа. Ни одной школы, ни одного грамотного человека! Больницы, театры, кино — об этом мы знали лишь понаслышке.

В красивейшем районе республики раскинулся комбинат «Тувакобальт». Самый распространенный транспорт здесь — мотоцикл. Проходчик Бальчима Ангыр-оол — один из его почитателей. Горняки попадают в шахту прямо с солнечной поляны.

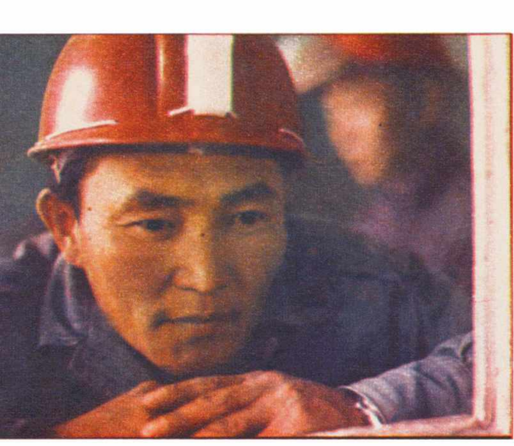

Фото Ю. Кривоносова и Л. Шерстенникова.

ЦЕНТР АЗИИ
АЗИЯНЫҢ ТӨВУ
THE CENTRE OF ASIA

66
12

Юрий КЮНЗЕГЕШ

ХОЧУ ПОДЕЛИТЬСЯ РАДОСТЬЮ

По темным таежным дорогам ты, мама, скиталась,
пока твои старые ноги не отнялись...
Мне, сыну, сегодня другая дорога досталась:
имеющий радость, радостью поделись!
Бывало, рукою касаясь висков поседелых,
ты нам говоришь про минувшие времена —
и словно бы тень от былого на нас налетела,
так живо мне страшная эта картина видна:
я вижу рабов изможденных; шатаясь, как пьяный,
с колодкой на шее, мой прадед далекий бредет,
и воют собаки в пустоте разоренных стоянок,
где все за налоги забрали — и юрты и скот...
Мне слышатся стоны...
А ты умирала без стона.
Сказала, что мать мне заменит родная земля.
Сказала:
— С народом иди по хребтам и по склонам,
и счастье найдешь, и не вспомнишь, что шел без меня...

Еще молодая, в тяжелые косы вплетая
искусно сплетенные пряди из конских волос,
в сегодня мое заглянуть ты пыталась, мечтая,
а нам, сыновьям, в этом будущем жить довелось.
Друзей моих видишь, веселых и неутомимых?
Не страшны им горы, и реки, и в небе гроза...
Машина хомеем [1] рокочет, я, сын твой любимый,
веду ее кручами: Ак-Довурак — Абаза.
С дороги прямой и широкой вовек мне не сбиться:
в ней
с болью твоей
моя светлая жизнь сплетена...
На свет я родился,
чтоб радостью поделиться
с тобой, моя мама,
с тобою, родная страна.

[1] Хомей — особый вид пения, свойственный тувинцам.

Зоя НАМЗЫРАЙ

САЯНСКИЕ ГОРЫ

Саяны с севера,
Саяны с юга.
Высокой снежной шапкой облака.
Вершины машут шапками друг другу,
а на долины смотрят свысока.
Там молния о камень раскололась,
там буря плакала,
над кручей взмыв...
И отзвенел там мой девичий голос,
отбушевал там юности порыв...
Саяны!
Дышит ваша грудь широко,
над ней тумана голубая ткань.
Хочу, как вы,
быть твердой и высокой.
Как ваша твердь,
душа моя крепка.

Перевела С. КОЗЛОВА.

Грамоту разумели только ламы, да и те пользовались монгольской и тибетской письменностью.

Первые шаги в преодолении культурной отсталости были сделаны при помощи Советского государства в годы ТНР, которая шла по указанному Лениным пути некапиталистического развития. В 1930 году мы получили свою письменность, ее разработала Академия наук СССР. Это положило начало становлению национальной школы, печати, литературного тувинского языка. Создание письменности явилось величайшей культурной революцией. Мне довелось быть председателем комиссии по созданию письменности, и я помню, с каким энтузиазмом принялся народ за усвоение грамоты. Желание поскорее овладеть ею было столь велико, что за неимением бумаги писали не только на дощечках, но и на снегу, на березах, на песке... Первыми тут были культармейцы, обучившие сотни аратов. Как не вспомнить, например, добрым словом Иргит Дыңгыжаа, которая буквально за неделю овладела грамотой, а потом за месяц обучила триста человек! За заслуги в распространении письменности ее наградили орденом Тувинской Республики.

В Москве был издан тувинский букварь с портретом В. И. Ленина. Это был бесценный дар Страны Советов нашему народу.

В том же, 1930 году вышел первый номер тувинской газеты «Шын» («Правда»), которая издается до сегодняшнего дня.

Культурная революция создала благоприятные условия для расцвета литературы и искусства. Лучшие произведения тувинских писателей, композиторов, художников отражают духовное богатство народа, служат делу коммунистического воспитания трудящихся, вносят вклад в сокровищницу советской и мировой культуры. Произведения Сергея Пюрбю, Олега Саган-оола, Степана Сарыг-оола, Алдын-оола Даржа и других наших писателей переведены на языки многих народов Советского Союза. Работы художников Сергея Ланзы, Монгуша Черзи, Хертека Тойбу-Хаа получили признание не только в Советской Туве, но и далеко за пределами нашей родины.

О счастливой и радостной жизни аратов рассказывает музыка Алексея Чыргал-оола, Ростислава Кенденбиля и других композиторов.

В Туве сейчас работают научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, педагогический институт, выпустивший уже свыше двух тысяч преподавателей, институт усовершенствования учителей, медицинское, педагогическое и профессионально-техническое училища, училище искусств, техникумы и другие учебные заведения. В республике нет ни одного неграмотного, у нас введено обязательное восьмилетнее образование. Из пятидесяти пяти тысяч школьников одиннадцать тысяч учатся в интернатах на полном государственном обеспечении.

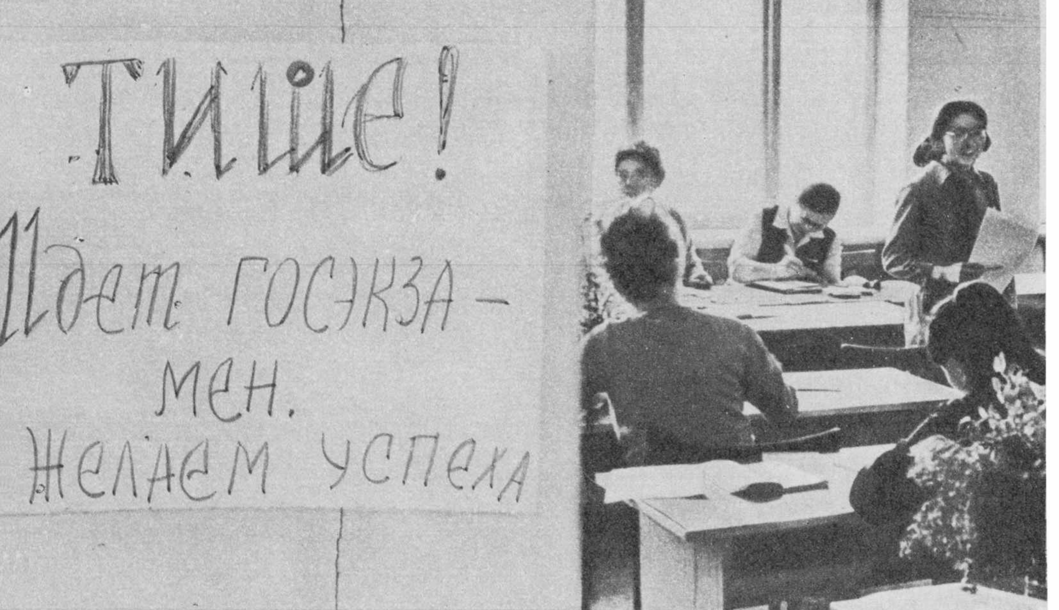
Есть у нас музыкально-драматический театр, Государственная филармония, ансамбль песни и танца, музеи, десятки прекрасных домов культуры, сотни клубов, библиотек, кинотеатров. Почти каждая семья животноводов имеет радиоприемник, а телевидение по системе «Орбита» позволило нам не только слышать, но и видеть все, что происходит в мире.

Подводя итоги борьбы и труда за минувшие пятьдесят лет, с гордостью оглядывая пройденный путь, народ Тувы отчетливо видит, что все его успехи — прежде всего результат проведения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, плоды братской взаимопомощи и нерушимой дружбы народов нашей страны. Нам бесконечно дорого то, что новую, социалистическую Туву вместе с нами строит вся страна. В нашей республике живут и самоотверженно трудятся советские люди более пятидесяти национальностей. И хочется сказать сердечное спасибо за бескорыстную помощь и душевную дружбу русским и украинцам, белорусам и татарам, грузинам и бурятам, киргизам и хакасам — всем, кто плечом к плечу стоит с тувинцами на лесах наших новостроек, беззаветно трудится на хлебной ниве, на пастбищах, в забое, в таежных дебрях и на культурном фронте.

Земной поклон вам, братья!

Выпускница профтехучилища Донгак Бичии-маа на комбинате «Туваасбест» совсем новичок, а технолог участка обогащения Дуктен-оол Деспи работает здесь с первых дней. На руднике асбест добывает могучая техника. На помощь аратам пришла авиация. Кызыл — центр Азии. В честь этого в столице Тувы и воздвигнут обелиск. В рабочей столовой Хову-Аксы — поселка горняков и металлургов.

ТАМАРИН

КЛАСС

Ю. КРИВОНОСОВ, Л. ШЕРСТЕННИКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Солнце резвилось на сверкающем глянцем полу, высекая из свежей краски веселые, золотистые искорки. У Тамары даже дух захватило от этого зрелища. Она на мгновение замерла у дверей, потом решительно сбросила туфли и босиком переступила порог.

Это был ее класс — и в прошлом и в будущем. Когда-то она пришла сюда первый раз и сначала так оробела, что на перекличке не сразу даже поняла, какую Тамару Маады вызывает учительница.

Такой просторной казалась ей тогда эта парта, в которую она сейчас еле втиснулась. Тогда парты почему-то красили в черный цвет. Сейчас они белые, словно молоком облитые. Это сравнение навеяло другое воспоминание: мама входит в дом с полным ведром только что надоенного теплого молока, и они с сестрой Лидой бегут ей навстречу. Ах, как давно все это было! Тамара училась еще в третьем классе, когда на них свалилось страшное горе: умерла мать, а потом отец. И остались они, две девчушки, в пустом доме одни. Но как-то сразу вокруг оказалось очень много людей; колхоз и райсовет взяли девочек под свою опеку, помогли осилить беду. Выучилась Лида и стала учительницей. Поступила в педагогический институт и Тамара, уехала в Кызыл. Студенческая пятилетка пролетела быстро — лекции, зачеты, экзамены... В общежитии жила в одной комнате с Олей Ламажан и Таней Аракча. Как приехали вместе в Кызыл из родного Турана, так и не разлучались ни в институте, ни в театре, ни на танцах — до самого выпуска.

Подруги всегда радовались каникулам: Кызыл хоть и хороший, новый город, только до́ма лучше — тайга, горы, простор. Ягоды — ведрами, орехи — мешками. А цветы? Разве бывает в городе столько цветов? Тут же целый день можно бродить по нескончаемому радужному ковру...

И вот теперь она учительница. Словно прошла по большому кругу жизни и достигла порога своего бывшего класса. Она опять вошла в него впервые, только уже в новом качестве. Класс встретил ее тишиной. Но скоро шуму здесь будет хоть отбавляй — известно, что за публика явится сюда недели через две — один горластее другого. И будет учить их Тамара родному языку и литературе, и русскому языку и русской литературе, будет приобщать их к богатствам культуры, накопленным человечеством за многие века. Потому что Туве нужны тысячи специалистов, грамотных, мыслящих, разбирающихся в таких сложнейших технических проблемах, как, скажем, добыча и переработка кобальта, ртути, асбеста...

Да и в колхозе теперь без образования никуда. Разве мог бы их

Сдала!

Дождь для тувинцев — праздник.

Домой!

Можем и с отарой управляться!

А в институт пришла смена.

родной колхоз «Красный пахарь» выйти в прошлой пятилетке на первое место в Туве, работай тут люди по старинке? А ведь вышел! И на знамени колхоза засверкал орден Ленина.

На нее, Тамару, возложена теперь огромная ответственность — будущее родного края. И отныне она полноправный член двухтысячного отряда тувинских педагогов. Только пока Тамара тут вроде новобранца, потому что в отряде том десятки ветеранов, заслуженных учителей школ РСФСР, Тувинской АССР, сотни награжденных орденами и медалями за свой учительский подвиг.

И вспомнила Тамара день последнего госэкзамена, выпускной вечер, рассвет, который они встречали на берегу Енисея у обелиска «Центр Азии», возвращение в свой родной район. Как пели они в дороге с Олей и Таней песни, и были мелодии тех песен то извилисты, словно горные реки, то округлы и плавны, как очертания раскинувшихся на горизонте вершин.

Потом остановились девушки возле большой отары, и Оля, попросив у чабана коня, лихо поскакала, огибая отару, и чабаны покачивали головами, одобрительно цокали, наблюдая, как умело сгоняет девушка отбившихся от стада ягнят.

А Тамара с Таней любовались Олей и радовались тому, что вот они какие, тувинские девчата,— и с отарой управиться умеют, и могут объяснить такие непростые вещи, как, например, философский смысл «Гамлета», или научить людей чувствовать изумительную красоту «Слова о полку Игореве».

И еще думала Тамара, стоя у окна в пустом классе, о том, как передать ребятишкам, которые будут смотреть на нее доверчивыми, ясными глазищами, свое чувство любви к родной природе, к цветам, горам, рекам и тысячи других нужных человеку вещей.

Тамарин класс.

УРОЧНЫ

Валентин СИДОРОВ

1

Прощай, мой снег, дарующий покой
(Такой покой уж больше не приснится.)
Прощай, мой снег! Твой отсвет голубой
Уж не смежит уставшие ресницы.
Не в первый раз прощаюсь я с тобой,
Но все никак я не могу проститься.
А «газик» начинает свой разбег
И разрыхляет затвердевший снег.

2

А на душе и смутно и тревожно,
И свет от снега просто нестерпим.
В Москве снега такие невозможны.
(Откуда взяться в сутолоке им?)
Над неподвижным лесом придорожным,
Смотри, застыл белесоватый дым.
И никого. И слушай на здоровье,
Как зазвучало белое безмолвье.

3

А я сегодня, признаюсь, смущен,
Что в тишине звучащей, как нарочно,
Я прежнею заботой поглощен —
Своим самоанализом дотошным.
В который раз мой дух отягощен
Давным-давно уже ушедшим прошлым.
И не пойму: зачем и почему
Я возвращаюсь мыслями к нему?

4

Но вновь кого-то в чем-то уверяю
И укоряю сам себя опять.
И старые ошибки повторяю
(Поскольку были — надо повторять)
И с новой болью прошлое теряю,
Хоть что терять — уж нечего терять.
Ведь как бы ты ни мучился, ни страждал,
Но прошлое не потеряешь дважды.

5

А я терял сто раз его на дню
И вновь теряю. Ну, скажи на милость:
Зачем его так бережно храню?
Зачем во мне минувшее сгустилось?
Ушедший день совсем я не виню
За эту неотступную унылость.
Тоска и скорбь приходят не извне.
Они живут и властвуют во мне.

6

И я б не портил нынче настроенье —
Что значит дальний отблеск для меня? —
Когда б тот дальний отблеск вдохновенье
Не отбирал у нынешнего дня.
И вкось и вкривь бегут мои мгновенья.
Я, призрачность прошедшего храня,
Идущий день куда-то отодвинул
И в нем живу, увы, наполовину.

7

Густеет лес, и дай нам бог в тиши
Понять одну лишь истину простую:
Как ты былой огонь ни вороши,
Прошедшее уже не существует.
В раскаянье нет творчества души,
И снова сердце бьется вхолостую.
Печешься ты не о чужой судьбе.
Когда скорбят, скорбят лишь о себе.

8

Звени, мой снег! Не бойся нареканий,
Не бойся, снег, навязчивых примет.
Пускай исчезнет тень воспоминаний.
(Исчезнет тень, но сохранится свет.)
И толку нет от праздных ожиданий
И от предчувствий предстоящих бед.
Ведь день грядущий — знаем непреложно —
Нам потерять уж вовсе невозможно.

9

Трудись, мой снег! Пускай сойдут на нет
Никчемные, придуманные страхи.
Зачем искать потерянный свой след?
Зачем, скажи, нам спорить после драки?
А будущий неведомый рассвет
Еще не обозначен в полумраке.
Он где-то там, в тумане. И для нас
Важней всего летящее «сейчас».

10

«Сейчас», «сейчас» — оно неуловимо,
Оно, наверно, призрак и пустяк,
Когда ты в нем живешь наполовину
Да и живешь с прохладцей, кое-как.
Но только в нем стремительной лавиной
Несется вечность, убивая страх.
И только в нем, молчащем иль ревущем,
Минувший день смыкается с грядущим.

11

Давно я философию отверг,
А сам опять пустился в рассужденья.
Что ж, помолчим и поглядим мы вверх
С необъяснимым тайным наслажденьем.
Край небосвода вдалеке померк,
Коснувшись снега мимолетной тенью.
И лес, туманом дышащий сейчас,
От нас отстал и медленно погас.

12

Бегут навстречу редкие деревья,
И по полю рассыпались дома.
С какой-то грустью детскою и древней
Я говорю: прости меня, зима!
Прости меня, безмолвная деревня!
А в чем я каюсь — ведаешь сама.
Я каяться давно уж зарекаюсь,
Но пред тобой в последний раз покаюсь.

13

Я говорю «прости» не потому,
Что я тебя покинул и оставил,
Не потому, что в городском дыму
Я путь в другую сторону направил,
Не потому, что, судя по всему,
Нам не вернуться к прежней переправе.
Прости за то, что дальний свой причал
Обосновав, тебя я поучал.

14

Ты мне всегда казалась неизменной,
Как неизменны небо и трава.
Обязана ты быть несовременной,
Ты лишь несовременностью жива,—
И этой мыслью, мыслью сокровенной,
Я все свои пронизывал слова.
И никакого не было мне дела,
Чего сама ты, собственно, хотела.

15

С каким упорством я свой тратил пыл
На поученье и на повторенье.
Я был предельно искренним. Я был
Напористым порой до одуренья.
Но не деревню — я боюсь — любил,
Себя любил на фоне той деревни,
Себя я видел в зеркале стихов
На фоне заповедных облаков.

16

За много лет, наверное, впервые
Я осознал: нам просто повезло,
Что на высоких скоростях Россию
В обрывистый кювет не занесло.
И слава богу: судьбы вековые
Ей не мое наметило стило.
Дыханье снега пусть меня остудит.
Какой ей быть, такой она и будет.

17

Какую б участь ей ни предрекал,
Как ни были б стремления прекрасны,
Я в настоящем прошлое искал,
И потому был поиск мой пристрастным.
Спасая Русь, я объявлял аврал,
Но был смешон я в рвении напрасном,
Когда вперед, не ведая преград,
Я шел с лицом, повернутым назад.

18

Мне вспомнилась поездка с журналистом.
(Я с ним давно и коротко знаком.)
В прохладном полусумраке ветвистом
Мы выпивали вместе с лесником.
А журналист на редкость был неистов
И, сотрясая воздух кулаком,
Вопил, как будто смерть ему грозила:
— Люби, старик, люби одну Россию!

19

— Не смей, старик, Россию не любить!—
Во власти вдруг нахлынувшего страха
И потерявши рассуждений нить,
Он поперхнулся словом и заплакал.
— Не могут нынче молодые пить,—
Сказал лесник, чуть окая,— однако.
Ишь, развезло. Но плачет-то не он,
То плачет водка, плачет самогон.

20

Ах, как привыкли мы проникновенно
Словами полустертыми бряцать!
Привыкли мы с тобою дерзновенно
С налета современность отрицать.
Нам не впервой сурово и надменно
Ее и обличать и порицать.
Нам мысль все время не дает покоя:
Как смеет современность быть такою?

21

Он не похож на прошлые века,
Двадцатый век. Но что же в этом, право?
Здесь по-другому дышат облака,
Здесь в горькой гари вымирают травы.

Й ЧАС

ОКТАВЫ

Да, современность наша нелегка,
Но ведь она дана не для забавы,
И в бесконечной суматохе дней
Зачем-то мы необходимы ей.

22

Я полюбил старинное сказанье,
Его простой, неторопливый слог.
Нет, в нем звучит не просто назиданье,
В нем мудрости проверенный итог,
Нам мужество дающий в испытанье.
Послушайте. Жил на земле пророк
Давным-давно. И жил он на Востоке,
Где жили и живут еще пророки.

23

И толпы день и ночь к нему текли,
Дабы коснуться праведного света.
Всех, кто хотел, он брал в ученики,
Не налагая никаких запретов.
Был дух его свободен от тоски;
Он не терпел обрядов и обетов.
И лишь в одном был непреклонен он.
— Не отрицай! — гласил его закон.

24

Таившего в глазах своих надменность
Всегда просил он только об одном:
— Не отрицай вслепую современность,
Учись понять, зачем мы в ней живем;
Пойми ее величие и ценность.
Ну, а ко мне... ко мне придешь потом,
Когда поймешь, что даже в колыбели
Ты был ей нужен для великой цели.

25

Я думаю сегодня: суждена
Жизнь долгая старинному сказанью
И современность не затем дана,
Чтоб быть наградой или наказаньем.
Какой бы горькой ни была она,
Нет повода для гнева и терзанья,
Когда во власти призрачных идей
Счет непомерный предъявляем ей.

26

И взгляд мой скорбно устремлен куда-то,
И, возвращаясь мысленно назад,
Былые беды, горе и утраты
По-своему оценивает взгляд,
И он все время ищет виноватых:
Друг или враг, но кто-то виноват.
А я всего лишь только отраженье
Навязанного кем-то окруженья.

27

И ни на миг не прозреваю я,
Кляня извне растущие преграды
(Они растут, растут день ото дня
И преграждают путь, как баррикады),
Что я их вызвал из небытия
В часы печали, гнева и досады,
В тревогах, суматохе и тиши
Работой напряженною души.

28

Себя душевной истязая пыткой,
Не ведаем мы сами, что творим.
И рвется мысль, как стершаяся нитка.
Пролег твой путь сквозь грохот и сквозь дым
Извилисто, как он тобою выткан,
Тобою выткан и никем другим.
Да ты и сам наверняка заметил,
Что он прерывист и не очень светел.

29

И нет сомненьям горестным числа.
Ты молвишь в раздраженье постоянном:
Вон та дорога весела, светла,
А вот моя — окутана туманом.
Но что слова? Холодная зола.
Ты только тешишь сам себя обманом.
А все дороги меж собой равны,
И все они, коль хочешь знать, темны.

30

И зря раздумье давнее довлеет,
Что все в твоей предрешено судьбе.
И делает яснее иль темнее
Дорогу свет, таящийся в тебе.
И ты виновен нынче перед нею,
Коль тьма сгустилась на твоей тропе.
Ты все огни на скользких перекрестках
Сам погасил своею волей жесткой...

31

Ну вот опять увлекся, как на грех,
Я мысленным и нудным разговором
И позабыл, что есть на свете снег,
Летящий вкось над гаснущим простором.
Я не бродил, наверно, целый век
По мерзлым, твердым кочкам косогора.
Здесь все другое. Воздух здесь — другой!
Он так легко струится над рекой.

32

Пронзительно и тонко над обрывом
Безмолвье прорезают провода.
Ложится снег на снег неторопливо,
Прозрачным льдом подернута вода.
И можно быть воистину счастливым,
Когда вернешься и придешь сюда.
Уходит все: и горечь и досада.
Как мало все же человеку надо!

33

Я не сумею рассказать о том,
Как радостно от хлынувшего света.
Нет, эта радость не гремит, как гром.
Но ты не сетуй, никогда не сетуй,
Что не сверкает радость серебром,
Что золотою не звенит монетой.
Она, как снег, слегка приглушена.
Она от суеты отрешена.

34

От суеты... Теперь пиши пропало:
Сказал я это слово и притих.
Мне за него уж столько раз влетало
От критиков решительных моих.
Оно и вправду не переставало
Непрошеным вторгаться в каждый стих.
И в самом деле: будто бы другого
Никак не можешь ты придумать слова.

35

Но не одно лишь только слово, нет.
За все, за все мне доставалось, право:
За то, что старомоден мой сюжет
И заключен в холодную оправу,
За то, что мой рассудочен сонет.
Теперь, наверно, всыплют за октаву.
И скажут так: в стихах одно и то ж,
Стих на другие образцы похож.

36

Я приношу смиренно извиненья
За то, что свой не выполнил урок
И что однообразно вдохновенье.
Но подождите, дайте только срок.
Я признаюсь: живет во мне стремленье
Осовременить свой банальный слог.
Дабы освоить нынешнюю тему,
Возьмусь я для начала за поэму.

37

Зачем держать стихию в берегах
И заключать в металл и камень пламя?
Я строчкам дам воинственный размах,
Такой размах, чтоб враз отшибло память,
И только ветер засвистит в ушах
Да будут рифмы сталкиваться лбами.
Что делать. Любит современный век
Во всем, во всем стремительный разбег.

38

И я сдержу, конечно, обещанье,
Но не сейчас... когда-нибудь... потом...
Сейчас одно морозное молчанье
Беспрекословно царствует кругом.
И надобно помедлить на прощанье
Перед большим, решительным рывком.
И ни к чему тут, согласитесь, спешка,
И в тишине так сладостно помешкать.

39

В последний раз почувствовать снежок,
Услышать, как хрустит он под ногами.
В последний раз... Успеешь, мой дружок,
Продолжить путь неровными рывками.
Березы сбились на бугре в кружок,
И горизонт стянуло облаками.
И потускнел над Доном небосвод.
— Пора! Пора! — гудит наш вездеход.

40

Пора, пора! Но хорошо и славно
Закрыть глаза и охладить свой пыл.
А снег кружит и медленно и плавно...
И все-таки я что-то позабыл,
Я не сказал о чем-то самом главном...
А снег прорвался, хлынул, повалил
На косогор и на речную пойму.
Нет, подожди! Я вспомню... вспомню...
вспомню...

ПРАВДА ЖИЗНИ

Е. СТЕПАНОВА

Разные картины были на Десятой академической. Но все они рассказывали об одном: о нашем, советском созидании. С первых его дней.

Тридцать пять лет работает над воплощением образа Владимира Ильича народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственных премий Дмитрий Аркадьевич Налбандян.

— Первые мои рисунки,— рассказывает художник,— запечатлевшие образ Ленина, сделаны были еще в 30-е годы. Шло время. Понимая всю почетность и ответственность задачи, стоящей перед художником, обратившимся к воплощению образа Ленина, понимая, что ленинская тема для любого деятеля искусства — пробный камень идейной зрелости и художественного мастерства, я стремился как можно полнее, глубже, больше изучить материалы о великом гении революции. Воспоминания соратников Ильича, рассказы людей, видевших и знавших Ленина... Все это помогало мне в работе. И вдохновляло.

«Выступление В. И. Ленина на Красной площади в 1919 году»... Трудное, далекое от нас время. Ильич обращается к народу. Уверенность, спокойствие хотелось мне выразить в его фигуре, в скупом, характерном жесте. Когда я писал холст, то передо мною будто звучала великая правда ленинских слов.

Ленин и народ неразделимы. Я долго искал композицию холста, чтобы подчеркнуть эту мысль. Изучая хроникальные фотографии эпохи, просматривая старые документальные фильмы, я словно ощущал грандиозное дыхание тех героических лет. Мне ясно представлялся гармонический строй будущей картины. Сдержанный общий тон холста и яркие, мажорные удары красных знамен, стягов. В суровости, собранности этого колорита был, как мне кажется, своеобразный симфонизм, присущий первым годам Октября. Я не знаю, как мне удалось это выразить, но я к этому стремился.

Другой важной задачей, которую поставила передо мной картина, было воспроизвести Красную площадь в том виде, какой имела она в 1919 году. Черно-белые фотографии и кинокадры не были тут подмогой. Мне нужно было увидеть цвет кремлевских стен, зданий, каким был он тогда. И я пошел в музеи, нашел этюды тех лет. Особенно помогли мне этюды, которые писал полстолетия назад с натуры на Красной площади мастер пейзажа Константин Юон.

А как воссоздать образы людей, слушавших Ленина? И я подумал, что самым верным решением будет здесь для меня дать в моей картине реальные портреты современных рабочих. И я отправился в цеха заводов «Серп и молот», имени И. А. Лихачева, к моим давнишним товарищам. Многолетняя дружба соединяет меня с коллективами этих предприятий столицы. И я нашел то, что искал: в облике моих современников, в лучших чертах этого облика — трудолюбии, целеустремленности, решительности — словно бы предстал передо мной живой образ революционных пролетариев России.

Так сложилась эта картина.

...Перед нами огромный холст. Он весь проникнут суровым, торжественным и тревожным настроением первых лет существования молодой Республики Советов. Колышутся алые стяги. Сосредоточенное и радостное внимание на лицах людей — рабочих, солдат, красных конников, работниц, молодежи. Чувствуется, в какой тишине застыла неподвижная толпа, боясь пропустить хотя бы одно слово Ильича. Кажется, что даже древние кремлевские стены и башни прислушиваются к этим не слышанным никогда словам. Кажется, что тесна просторная Красная площадь для воодушевления, которым проникнут народ, сбросивший иго рабства и готовый, сплотившись в непобедимую силу под руководством любимого вождя, до конца отстаивать свою свободу.

...Звеньевая рисоводческого звена четвертого отделения совхоза имени Азизсланова в Ленкоранском районе Азербайджана Джафара и ее подруги Тамина, Зарифа, Равайят были заняты своим делом: свозили с поля снопы риса, обрабатывали, готовя рис к транспортировке. Художник Микаил Абдуллаев подолгу наблюдал за неторопливыми и размеренными, четкими и точными движениями колхозниц, дивясь ритмичности, красоте, силе. И вдруг открылось ему нечто большее, чем работа одного девичьего звена... Величавая поэзия труда, одухотворяющая и возвышающая человека.

Лет десять назад, в начальную пору знакомства Микаила Гусейновича с ленкоранскими колхозницами, живописный рассказ об их труде, о них самих складывался у художника в поэтичные жанровые композиции. Воспроизведены были на этих холстах образы девушек среди привычного пейзажа. Соцветие девичьих лиц и характеров собрала, например, знакомая нашим читателям картина «Масаллинские девушки», написанная М. Абдуллаевым в 1966 году. Но постепенно глаз живописца начинал видеть в частном эпизоде большое, общее содержание — не только индивидуальные характеры тружениц, конкретное их занятие. От картины к картине заметнее проступали в красочном повествовании живописца о своих современницах эпичность, обобщенность, монументальность, нашедшие наиболее полное выражение в диптихе «Девушки-рисоводы», правую часть которого вы видите на вкладке номера. Индивидуальные черты двух своих героинь сумел художник превратить в воплощение красоты народного характера.

Микаил Абдуллаев не выписывал детали пейзажа. Все дано очень обобщенно. Внимание живописца было сосредоточено на лицах, фигурах девушек, на их позах, жестах.

Края картины, такой лаконичной в своих изобразительных средствах, будто раздвигаются. И вот перед нами образ земли, на которой трудятся дочери Азербайджана. Взгляд наш проникает далеко за высокий горизонт. Мы чувствуем ароматное душное дыхание южного дня, слышим мягкий шелест стеблей.

Новые образные задачи подсказали художнику иную технику. Микаил Абдуллаев, готовясь писать свой диптих, почувствовал, что привычные масляные краски не дадут ему достигнуть желаемого впечатления: концентрированной силы, монументальности. И тогда мастер взял темперу. Сам готовил, растирал. И вот эти краски, плотно и чисто ложась на поверхность холста, послушно сохранили четкость контура, сберегли выразительность линий и соткали цветовую стройность колорита. Спокойное свечение фона придает глубину более насыщенным, хотя и неярким краскам одежд на первом плане и становится светло-золотым ореолом вокруг лиц и фигур девушек. Так приходит в картину опоэтизированная монументальность.

На холсте заслуженного художника РСФСР, члена-корреспондента Академии художеств СССР Дмитрия Константиновича Мочальского перед нами тоже две девушки. Но здесь все иное. Переведя взгляд с одной картины на другую, мы словно переходим от трудового напряжения дня, запечатленного М. Абдуллаевым, в атмосферу вечернего отдыха, так живо воссозданную на холсте Д. Мочальского.

Тишина. Синие сумерки вот-вот сменятся темнотой ночи. На крылечке беленого домика о чем-то своем, личном беседуют две работницы. Тоненькая яблонька у дома тянется вверх первыми робкими ветками, несколько розоватых цветков на конце одной из них будто осенили детскую коляску. Новая жизнь, начинающаяся сегодня, обещает подарить людям, строящим свое светлое завтра, радость, цветение и изобилие, словно бы говорит художник.

Узнавание современника давно стало одной из главных отличительных черт и достоинств творчества Дмитрия Мочальского. Все глубиннее, полнее, ассоциативнее становится художническое проникновение. Потому что большого мастерства достиг живописец в умении высмотреть и запечатлеть мгновение бытия, раскрыть через малое большое, разглядеть прекрасное в повседневности, героику — в обычном. Глядишь на эти синие «Сумерки», и постепенно к возникшему сначала настроению интимности, задушевности добавляется мысль о том, что такие вот русские рабочие девчонки осваивали целину, строят новые города, заводы, электростанции, прокладывают новые дороги — пути в будущее. Перед мысленным взором за стенами этого маленького беленого домика встает громадная страна, занятая созиданием.

Эти мысли и чувства художник столь отчетливо смог донести до нас средствами жанровой живописи потому, что не год, не два, подолгу жил Д. Мочальский у целинников — наших современных первопроходцев. Он был «старожилом» на целине еще тогда, когда жизнь там была «палаточной». Вся на виду. Наглядно представало перед художником волнующее и такое характерное для нашей советской действительности смешение бытового, будничного и общенародного, героического. Живое это единение и стало главным содержанием лучших картин Мочальского, принесло им любовь и понимание зрителей. Но не было бы успеха, если б не располагал живописец богатейшим арсеналом изобразительных средств, которые так восхищают нас в его картинах. Кажущаяся несложность бытового сюжета, на самом деле тесно связанная с горячим пульсом созидания. Естественность композиции, когда кажется, что было вот так просто все списать с натуры. Художника еще в юности учили этому трудному искусству фронтовые дороги. Щедрое, тонкое, бережно и чутко отобранное цветовое богатство... Поглядите, какое разнообразие синего воссоздало на холсте эту особенную, недолговечную, будто уплывающую синеву сумерек. Какою россыпью оттенков вдруг проступила синь на обычной беленой стене, чтобы ощутили мы ее теплую шероховатость. Как усилило, зажгло сумеречное зарево голубое и синее на кофточке и брюках девушки, стоящей к нам в фас. И весь золотой от света проем двери заставил нас неотрывно глядеть на главное в картине — разговаривающих девушек.

На развороте вкладки: **Д. Налбандян** (Москва). ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В 1919 ГОДУ.

Х выставка произведений членов Академии художеств СССР.

М. **Абдуллаев** (Баку). ДЕВУШКИ-РИСОВОДЫ.

Д. Мочальский (Москва). СУМЕРКИ.

Новелла ЦВЕТКОВА

НА УЛИЦЕ ПТОЛЕМЕЕВ

Ранним утром набережная Александрии молчалива и пустынна. Дремлют, приткнувшись к обочинам тротуара, палатки торгового лагеря. Накануне здесь до глубокой ночи шло шумное сражение: армия туристов «проиграла» очередную порцию египетских фунтов, и в плен чемоданов отправилась очередная порция цариц Нефертити в виде пепельниц, кулонов и брелоков для ключей. Пройдет еще с полчаса, и распахнут свои веки магазины, по улицам побегут по пояс открытые трамваи, и новый привычно суматошный день войдет в древний порт мира.

Предание рассказывает, что еще в четвертом веке до нашей эры этот город основал Александр Македонский. Ну что же, для такого древнего прошлого Александрия выглядит удивительно молодо и современно! Я иду вдоль широкой, застроенной красивыми домами набережной. Рядом, за серым гранитным барьером, тепло и спокойно дышит Средиземное море, баюкая город равномерными шлепками. Гранитная дорожка убегает далеко вперед. Где-то там, в туманной дали, Фарос: здесь в давние времена возвышалось одно из семи чудес света — знаменитая башня-маяк.

Туристов обычно возят на Фарос, показывают место, где когда-то стояла чудо-башня, и рассказывают притчу о ее создателе. Построив башню, архитектор высек на камнях внутри нее свое имя, а затем, покрыв его известью, написал имя правителя, жаждавшего славы. Как и предвидел архитектор, штукатурка со временем обвалилась, и в историю вошел не царь, а творец гениального сооружения — Сострат Книдский, сын Дексифана.

Урок, данный незадачливому правителю, много раз повторял за минувшие тысячелетия народ Египта. У ворот Каира гарцевал на белоснежном коне в тюрбане, усыпанном бриллиантами, эмир Мурад. С флотом в 328 кораблей к этим берегам подплывал Наполеон Бонапарт... Но всякий раз слой «штукатурки» с начертанным на нем именем очередного завоевателя Египта осыпался, и миру являлось имя того, кто был и остается творцом и хозяином этой земли,— НАРОД ЕГИПТА.

Царь Птолемей еще две тысячи лет назад приказал капитанам кораблей, которые приходили в Египет, сообщать обо всех литературных произведениях, какие только имелись на борту. Царские посланцы скупали их для первой в истории человечества публичной библиотеки. И поэтому Птолемея, хоть и был он чужеземцем, Александрия не забыла и назвала в честь царской династии одну из своих улиц. Здесь в доме № 5 я встретилась лицом к лицу с завтрашним днем Египта.

Волшебника, который устроил эту встречу, зовут Ноэль Усманов. Он окончил Московский университет и, всячески скрывая от окружающих свои склонности к волшебству, работал на кафедре арабской филологии. Но однажды ему пришлось переехать из Москвы в Александрию на улицу Птолемеев. И вот тут-то в бывшем особняке греческого миллионера Сальваго он превратился в директора Советского культурного центра. А так как его помощница, заведующая курсами русского языка Маргарита Цветкова ничего против волшебства не имела, то дела в особняке пошли совсем неплохо. Некоторые из чудес я видела своими глазами. Мы шли по коридору, как вдруг директор ударил рукой о стену, и она отодвинулась, пропустив нас в комнату. Несколько молодых людей сидели вокруг зеленой лампы и слушали седоголового человека, который нетоопливо, словно это были детские кубики с картинками, складывал русские фразы. Мы прислушались: это был рассказ о Муму и ее хозяине Герасиме. Увидев нас, седоголовый смущенно умолк.

— Продолжайте, у вас все идет хорошо,— ободрила его Маргарита и шепотом пояснила, что ее ученику 63 года, он юрист по образованию, но русский учит с таким энтузиазмом, что обгоняет молодежь.

Мы перешли в соседнюю комнату, на этот раз через самую обыкновенную дверь. А тут битком народу. Спрашиваю у директора: что тут происходит? «Мохсин Самир выступает». «А он кто, знаменитость?» «Конечно!» И он рассказал, что юноша победил на конкурсе, посвященном столетнему юбилею Ленина. Недавно он побывал в нашей стране, и всякий раз, когда рассказывает о своем путешествии, его встречают вот так, как сегодня.

В библиотеке хозяйничала тоненькая, как тростинка, Елизавета Мади. Два года назад она окончила курсы и теперь правая рука «мадам Риты». Лиза выложила перед нами веером библиотечные формуляры. В них еще одно чудо, сотворенное на улице Птолемеев. Как же много и как жадно здесь читают по-русски! Вот формуляр студента-медика Мохтара Ибрагима. Он читает «Первую любовь» Тургенева, «Мать» Горького. У Мохаммеда Закри эль-Дали с инженерного факультета в карточке несколько ленинских работ. Девятнадцатилетняя служащая судоверфи взяла почитать «Как закалялась сталь». Спрашиваю у Лизы, что берут чаще всего.

— Горького, Достоевского, Тургенева, Полевого, Шолохова...

Вечер, проведенный в этом Доме дружбы, закончился тем, что мы попали в окружение группы молодежи. Они поджидали нас в одной из гостиных. Нас расспрашивали о Москве, о советской молодежи и о наших впечатлениях об Александрии. А потом мы предложили: пусть каждый, кто хочет, расскажет, каким представляет он будущее своей страны.

АЛИ ФАЛЯ, УЧИТЕЛЬ.

— Прежде я жил в Порт-Саиде. Теперь три больших египетских города — Порт-Саид, Исмаилия и Суэц — в результате израильской агрессии разрушены, их жители разъехались в разные города. Но мы ждем того часа, когда вернемся домой, к себе... Будущее Египта я не представляю без справедливого урегулирования ближневосточной проблемы. Я верю в это справедливое будущее, потому что рядом с нами наш надежный друг Советский Союз. Это не громкие слова — это то, что я пережил и чувствую. Сейчас у нас немало проблем. И среди них есть одна, которая касается каждого образованного человека. Я говорю о борьбе с неграмотностью. Еще громадный процент населения не умеет ни писать, ни читать. А нам нужно создавать тяжелую промышленность. Нам нужны свои специалисты. Кто же должен решить эти задачи? Мы, молодые!

ФАТИМА БАСУНИЯ САДЫК, МЕДСЕСТРА, РАБОТАЕТ НА НЕФТЕПЕРЕГОННОМ ЗАВОДЕ.

— Не знаю, просто не представляю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не было революции! Я из крестьянской семьи, а крестьяне, известное дело, прежде были без прав. А теперь посмотрите: в Национальном собрании есть представители рабочих и крестьян. Но это только начало, так я думаю. Ведь бедняков у нас еще много. Жизнь в деревнях тяжелая. Там и воды не хватает и сыну феллаха пока еще труднее стать студентом, чем сыну врача. Но в том, что уже сегодня делается для народа, я вижу будущее моей страны. Сейчас в каждом округе, во многих селениях есть больницы, и все виды медицинского обслуживания, все медикаменты бесплатны. Я верю, Египет будет страной, где люди забудут о голоде и нищете, и я мечтаю, что если не я, то хотя бы мой сын побывает в Советском Союзе и увидит страну, которая служит для нас примером.

САИД АБДЕЛЬ ХАЛИК, БУХГАЛТЕР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФСОЮЗНОГО КОМИТЕТА РАБОЧИХ ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛЕКСАНДРИИ.

— Если вы бывали на наших заводах, то видели, наверное, молодых рабочих, совсем еще мальчишек, которые там получают специальность. В большинстве своем это сыновья неграмотных крестьян, которым страна дает теперь в руки профессию. Несмотря на продолжающуюся израильскую агрессию, в нашей стране идет постепенное строительство общества с социалистическими чертами. Арабский социалистический союз, профсоюзы заботятся об улучшении условий жизни рабочих и служащих. Нет, мы никогда не вернемся к тому, что было прежде!

МОХАММЕД БИШБИШИ, ЖУРНАЛИСТ, СОТРУДНИК ГАЗЕТЫ «САФИР».

— Будущее Египта не мечта и не мираж в пустыне. Его уже сегодня представляют в цифрах экономисты и ученые. Социализм — вот наше будущее. Мир вокруг нас поразительно изменился, и мы меняемся вместе с ним. Мы многому учимся, многое стараемся понять у нашего большого друга, советского народа. И наше будущее я вижу в дружбе с этим народом, который был с нами в самые трудные дни и помог нам построить плотину жизни — Асуан. У нас, в Александрии, с помощью Советской страны построена новая судоверфь. Я бываю там часто, встречаюсь с советскими специалистами. Это настоящие наши друзья.

САМИР САИД ЭЛЬ-ДИН, АГРОНОМ, ЭКСПЕРТ ПО ХЛОПКУ.

— Как досыта накормить страну, население которой каждый год увеличивается на миллион? Один из путей — отвоевать землю у пустыни. И советские люди научили нас, как это сделать. В двухстах километрах от Александрии находится Ат-Тахрир. Прежде это была пустыня, а сейчас там выращивают овощи и фрукты. Советский Союз предоставил нам необходимое оборудование, пригласил к себе будущих агрономов, и дело пошло... Моя специальность — разведение хлопчатника, и я мечтаю научиться в Советском Союзе секретам ваших достижений в хлопководстве, чтобы привести их на родную землю. Будущее Египта? Конечно, социализм. И если вы спросите у меня, что в это будущее мы возьмем из прошлого Египта, я отвечу: много раз за нашу историю мы побеждали терпением и трудом. Эту мудрость предков мы непременно возьмем с собой в новый Египет.

...На следующий день мы уезжали из Александрии. Машина миновала набережную, заполненную ярко одетыми людьми. Позади остались просторные, красивые улицы. Где-то там в зеленой глубине города, в доме номер пять по улице Птолемеев, собралась александрийская детвора. Сегодня воскресенье, а по воскресным дням в Советском культурном центре всегда показывают мультфильмы.

Александрия — Москва.

В Доме дружбы на улице Птолемеев.

„ДИКИЙ ПОСЕЛОК“

Лариса ФЕДОРОВА

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

В больнице Вера провела месяц. Вернулась домой желтенькая, словно лютик, задумчивая и как бы равнодушная к тому, как теперь пойдет ее жизнь.

Не успела оглядеть свой запущенный дом, повидаться с мужем и сестрою Полиной, как сразу пришла в сад соседка старуха Мурашова, бывшая проводница поездов дальнего следования.

— Ну как? — спросила она, останавливаясь возле цветущего жасмина, под которым сидела на скамеечке Вера.— Подремонтировали тебя?

— На ремонт я, бабушка, опоздала. Так, небольшое продление получила.

Старуха покивала головой, раздумывая, прилично ли спрашивать о подробностях лечения и не обидится ли Вера, если ее ни о чем больше не спрашивать. Ясное дело, недолгий она жилец на свете.

— Неловко мне тебя просить, да больше вроде и некого,— помолчав, начала старуха.— Пока ты в больнице лежала, дачница наша Озолина опять самоуправство с землею проявила. В прошлый раз у полярника три сотки отгородила, нынче у меня почти столь же...

Вера вздохнула. Ждала она этих новостей. Муж Иван неприятности от нее скрывал и, когда приходил навещать, говорил о чем угодно, только не про Озолину. Он считал, что жена, как депутат, и так слишком много потратила на нее времени.

— Подожди, бабушка, вот окрепну немного, схожу в поселковый Совет. Ты заявляла?

— Как не заявлять! Калитку мою она заколотила, проволоки на нее колючей навила. Теперь мне за водой вокруг поселка ходить надо.

— Ну-ка, пойдем посмотрим,— сказала Вера.— Ах ты, нахалка, а еще юристом называется!

В поселке Озолина появилась десять лет тому назад. Прельщенная красотой местности и сравнительной тишиной Подмосковья, купила она у жены покойного лесничего коровий хлевушок, что ютился на трех сотках земли. Дачу поставила. Расширять участок некуда, со всех сторон соседи. Но один из соседей, холостяк, да еще полярник, редко бывал дома. Вот у него и отхватила Озолина сразу три сотки. Шумели на Озолину все: и депутат Вера, и жители поселка, и поселковый Совет, уговаривали полярника подать в суд, но он, изредка засевающий грядки пахучей кавказской травкой, только рукою махнул: «Да леший с ней, мне здоровье дороже». На другую весну при очередной починке забора Озолина умудрилась податься еще на один участок, правда, по-божески, всего на один метр в ширину; по длине же этих метров вышло двадцать четыре. «Подайте в суд»,— посоветовала Вера, когда старик Степаныч прибежал к ней жаловаться. И тот тоже отмахнулся. Однако в старухе Мурашовой она ошиблась. Бывшая проводница, привыкшая конфликтовать с безбилетниками, намеревалась действовать весьма активно.

— Вот полюбуйся! — тыкала она толстым пальцем в трижды овитую проволокой калитку.— Утром пошла за водой да сослепу чуть мордой в эти колючки не влезла. Кричу ей: «Марья Михайловна, это как же называется?» — а ее и след простыл, заколотила и в Москву уехала. Известное дело: дачница!

В бабкином саду краснели скороспелые яблоки, назревала еще не зоренная дроздами вишня, старые стены дома прикрывала сирень.

— Тебе бы, тетя Паша, заявление насчет комнаты написать,— сказала Вера.— Сходи в свое министерство. Ты солдатская сирота, тебе дадут.

— Ну что ж, напиши,— сразу снизив тон, попросила Прасковья.— А насчет калитки я от Озолиной не отступлюсь. Я и на Старую площадь в ЦК съезжу, меня везде примут, я почетная железнодорожница.

Заявление о квартире Вера написала ей в тот же вечер, а наутро, проводив Ивана на работу, потихоньку отправилась в поселковый Совет — и повидаться и рассказать про Озолину.

Вера знала всех активистов, которые в общем-то и не менялись, потому что привыкали к своему делу; не менялась и секретарь поселкового Совета — бойкая, несмотря на солидные годы, женщина.

Два километра пути Вера одолела легко, словно и не лежала в больнице, и это вселило в нее маленькую надежду, что она еще поживет, повоюет со всякими пакостниками.

В поселковом Совете ей тоже очень обрадовались, она у них была на хорошем счету, на сессиях всегда выступала с толковыми предложениями, и если б не ее внезапная болезнь, так быть бы ей со временем председателем.

— Ну, что у вас тут, какие новости? — радостно улыбаясь, спрашивала сельсоветчиков Вера.

— Газифицируемся скоро,— сказала секретарь.— Природный газ к нам ведут. Годика через два, если похлопочешь да соберешь с жителей деньги на рытье траншей, то и ваш поселок газифицируют.

— Не дожить мне,— грустно сказала Вера.— В случае чего Ивана моего выбирайте, он мужик толковый.

— Да ты прекрасно выглядишь!..— бойко начала секретарь, но, видя, что Вера закусила губы — не то от боли, не то от внезапной тоски — поспешно перевела разговор на другое.

А Вера стала рассказывать сельсоветчикам про бабушку Мурашову, упрекнула их, что они не сразу явились по ее вызову.

— Тут без суда не обойтись,— сказал председатель.— Озолина — юрист, она все ходы и выходы знает.

— Прохиндей, а не баба! — согласилась с председателем секретарь, которая прекрасно помнила, как молодящаяся дама, дважды подчеркнувшая, что она юрист, оформляла у нее купчую на коровий хлевушок.

— Напиши ей, что захват земли незаконный,— шепотом, чтобы не слышал председатель, попросила Вера.

— Да не могу я,— заупиралась было секретарь, однако, взглянув на бледное, расстроенное лицо депутата, согласилась.

И вот Вера шагает по шоссе обратно, полуденный жар окатывает ее хилое тело, и она с запозданием спохватывается, что делать этого при ее болезни нельзя... Свернув на косогор с березами, она выбрала местечко посуше и легла в траву, которая тут же сомкнулась над нею. И потекли думы о беспокойной жизни в поселке, жизни, которую принято называть общественной; и на фоне этой жизни еще одна жизнь — личная: со взрослыми, самостоятельными детьми, с мужем Иваном, человеком вспыльчивым, но добрым, жизнь с сестрою Полиной, чей дом стоит возле Вериного сада... Ах, Полина, Полина! Бегает к Вере, спрашивает о здоровье, а стала развешивать в саду стираные рубахи Ивана — вроде бы обнимается с ними...

Трава колыхалась, щекотала худощавое смуглое лицо Веры. Теперь она думала о детях. Тамара и Аркадий не ладили друг с другом, и дочь часто попрекала мать за ее слабохарактерность по отношению к сыну. Верно, просмотрела она Аркадия. Вырос он ленивым, беззаботным, превыше всего ценя веселую компанию. Тамара кричала, что уйдет из этого паршивого дома, где разводят пьяниц и тунеядцев, и действительно вскоре вышла замуж и сразу уехала на Север. И вот сегодня, лежа в траве, Вера спрашивала себя, почему так получилось. Неужели потому, что она слишком самозабвенно служила другим людям? Именно в пору возмужания сына в поселок проводили воду, ставили столбы для уличного освещения да еще по горячему настоянию Веры всем миром рыли пруд. Пенсии хлопотала, мирила неуживчивых супругов.

Когда Вера подошла к своему поселку, со всех сторон окруженному лесом, солнце уже цеплялось за верхушки елей. Соседка Таисья, единственная в поселке содержательница коровы, крикнула Вере:

— Приходи за теплым молоком!

— Спасибо, приду.

— За бабку, что ль, хлопотала?

— За нее.

— Полярник отступился и правильно сделал: не сладить нам с Озолиной.

И все в поселке смотрели так, как Таисья: не сладить.

— Вера, подожди минутку. Аркадий-то опять при новой жене? Хороша ли?

— Не знаю, не видела еще.

— Ну что ж, другой раз человек через бабу свою пьет, а то и наоборот. Лишь бы в руки взять сумела.

Ах, если бы сумела! Да нет, своенравен Аркадий, и как часто Вере приходится за него стыдиться, завидовать другим матерям, хотя бы той же Озолиной, воспитавшей двух примерных сыновей.

Одолев горку, она задворками прошла к участку старухи Мурашовой.

— Вот тебе, тетя Паша, документ и можешь сокрушить эту проклятую проволоку. Бери, бери, не сомневайся, секретарем подписано.

— А председатель что ж?

— Не было его,— покраснев, солгала Вера.

— Не знаю, право,— нерешительно протянула старуха, беря в руки предписание сельсовета.— Нанять разве кого?

— Да сама справишься. Возьми топор и ударь.

— Ну-к что же...— Старуха боязливо покосилась на соседнюю дачу.— Топор-то у меня есть. Нынче середа, а Озолина по субботам ездит. Можно, конечно.

— Вот и действуй! — усмехнулась Вера, потому что не терпела в людях никакой робости.— Действуй, действуй! — уже прикрикнула она, видя, что старуха опять засомневалась.— Зря, что ли, я по жаре в поселковый Совет тащилась?

Дома она легла в постель и стала слушать, как в легкой тишине сада, нарушаемой лишь щебетом воробьев, яростно бьет топор по железу. В дом заглянула сестра Полина.

— Вера, ты, что ли, разрешила ей самовольничать?

— Поселковый Совет разрешил.

— Смотри, беды бы не нажить с этой Озолиной.

— Трусы вы! — крикнула Вера.— Боже мой, как я ненавижу трусов! «Беды бы не нажить»! Да что ты понимаешь в беде?

«Намекает на мое здоровье,— грустно подумала Полина,— да разве я виновата, что у меня румянец?»

Кто-то проскрипел по ступеням.

— Вера, можно к тебе?

— Входи, тетя Паша. Ну что, сокрушила?

— Сокрушила. Проволоку сорвала, открыла калитку, а за ней — розы. Целый рядок по всей моей тропинке.

— Вырви!

— Да цвет они набрали, жалко.

— Жалко, так любуйся!

— Нет, я вырву,— распалясь, сказала старуха.— Это я так в сомнение впала. Моя это земля.

Полина, вертевшаяся возле трюмо, опять предупредила:

— Ой, бабы, смотрите!

— Не сбивай нас с толку, Полина. Самый сладкий час у человека, когда он в себе уверен. Иди, иди, бабушка, выкапывай.

Когда старуха получила судебную повестку за самовольное вторжение на чужой участок с нанесением ущерба, Вера от стыда места себе не находила. Не только старуху — секретаря подвела, потому что председатель, узнав о ее вмешательстве в озолинскую тяжбу, вкатил ей выговор.

Чтобы подкрепить старуху хоть какимнибудь козырем, Вера раздобыла толстенную книгу под названием «Советское земельное право».

— Вот,— сказала она, прибежав с научным трудом к старухе,— нашла я управу на эту самовольницу. Смотри-ка, на странице сто тридцать седьмой говорится, что, в частности, землепользователям запрещается подрывать или подкапывать границу соседних участков, а также совершать другие действия, которые могут затруднять соседям пользование предоставленными им участками или привести к ухудшению их качества. Ясно?

— А насчет колючей проволоки есть? — спросила старуха, так и не уловившая в зачитанном сходства с ее собственным положением.

— Ну что ты за странный человек! — рассердилась Вера.— Это же научный труд. Тут юридическое изложение возможных фактов, а не бытовое разбирательство...

— Толстая книга-то,— стояла на своем старуха, взвесив на ладони труд Ерофеева,— мог бы и про этот случай упомянуть...

В последнее время, наверное, из-за постоянных волнений и стычек с соседкой бабушка Мурашова как бы поглупела. А может, она боялась предстоящего суда, поскольку никогда прежде ни с кем не судилась. Чувствуя ее неуверенность, решила Вера заручиться хотя бы некоторым снисхождением судьи и в один из ясных августовских дней поехала в район, опять же взяв с собою книгу о землепользовании.

По наивности она ждала от судьи даже при кратком ознакомлении с книгой нескрываемого раскаяния, что он позволил себе усомниться в невиновности старухи.

— Ну и что? — сказал судья, когда Вера раскрыла перед ним книгу Ерофеева на странице сто тридцать седьмой.— Дело все равно подлежит рассмотрению. Никому не позволено врываться на чужой участок и портить там насаждения.

— Как так на «чужой»? Да она же ее тропинку, бабкину, себе отгородила и на этой земле розы высадила.

Судья вздохнул. Час тому назад была у него Озолина с иными доказательствами. Она показалась ему рассудительной, а главное, вооруженной всякими справками, вплоть до копии счета из оранжереи, где покупались розы.

— Вы бы лучше справками запаслись,— посоветовал он Вере.— Озолина план участка имеет на десять соток.

— На десять соток? Она такая ловкачка, что и на двадцать достанет. Вы бы, товарищ судья, выехали к нам в поселок и посмотрели. Если бы Озолина на краю жила, то и нарезайте ей сколько хотите, а она посреди других владельцев «села».

— Не знаю,— сказал судья.— У нее на плане печати стоят. Измерял районный техник по землеустройству.

— Нет, он к нам не приходил.

— Вас, наверное, дома не было.

— Я всегда в поселке.

— Значит, вы нигде не работаете? — с интересом поднял на нее голову судья.

Вера покраснела, как краснела всегда, если ее спрашивали о постоянном занятии.

— Я домохозяйка... и депутат.

— Ну, это должность выборная. Кстати, как же так получилось, что ваш поселок пользуется землей стихийно?

— Не знаю, может быть, юридически что не так, а за землю у нас все жители налоги платят, в поселковую книгу занесены...

Судья отрицательно покачал лысеющей головою.

— Леснические это земли, не госфондовские. Советую как можно скорее заключить договора на аренду.

— Да зачем это нам? Перейдешь в лесничество — и никакого благоустройства не получишь,— заволновалась Вера.— Нет, нет, мы останемся при поселковом Совете. Тридцать лет как существует поселок, и ни разу никто так вопроса не ставил. И лесничество давно про нас забыло.

— Придется им напомнить. А если жители не захотят заключать договора на аренду, то пусть поставят вопрос об отчуждении этих земель от лесничества. Озолина это уже сделала в индивидуальном порядке.

«Дачница она, а не юрист,— с горечью думала Вера об Озолиной, трясясь в автобусе обратно.— Хоть бы судья ее пристыдил. «В индивидуальном порядке»! Столько лет в поселке живет и все чужая».

Еще судья сказал ей, что хлопоты по отчуждению не столь просты, как может показаться. Нужно специальное решение облисполкома при предварительном согласии лесничества. При этом он добавил, что лесничество, как это часто бывает в таких случаях, может и заупрямиться, хотя договора на аренду оно заключает совершенно бесплатно.

Конечно, судья действует по закону, но все-таки должен бы он подумать и о том, как повлияет на жителей поселка судебный выигрыш Озолиной.

Автобус подпрыгивал на рытвинах, а за окном проплывали прекрасные поселки, облагороженные садами и своим законным существованием на земле.

* * *

— Иван, ты помнишь, как возник наш поселок?

— Ну, конечно. Корень пошел от лесника. Его дочь Вера вышла замуж за машиниста Ивана Ковригина... Молодым поставили дом. Затем ты выписала к себе младшую сестру Полину, которая на Севере зарабатывала большие деньги.

— Полина появилась через десять лет,— враждебно поправила Вера.— Я спрашиваю тебя: как возник поселок?

— Но ведь Полине тоже поставили дом, как и всем другим, кто поселился позднее. Проводница Мурашова купила у твоего отца сарайчик, утеплила его и сделала к нему терраску. Бедолаговы влезли на поляну нахалом. Привезли машину старых шпал и стали строить дом. Леснику бы заявить об этом, а он смолчал. Потом поселился полярник по договоренности с лесничеством. Степанычу разрешили построиться как стрелочнику ближайшего разъезда. Да разве всех перечислишь! Одному требовалась крыша над головою, другому, как Озолиной, дача.

— Наш поселок «дикий». Так сказал сегодня судья.

— Соответствует,— согласился Иван.— Одна планировка чего стоит. Пятнадцать домов, тридцать хозяев. Поляна была круглой, как яйцо.

— Значит, ты помнишь, какие на ней росли ромашки? Ах, Иван, мне вдруг показалось, что этого никогда не было. Еду сегодня от судьи, а перед глазами все тот день, когда Озолина пришла к моей овдовевшей матери покупать коровий хлевушок... Уж как она ее просила: «Ну, пожалуйста, продайте мне это строение, мне и земли-то не надо, лишь бы тропинка в лес была». И мать согласилась. Ну, зачем она это сделала?

— Отец умер, мать нуждалась в деньгах.

— Все-таки могла бы она рассмотреть, что за человек Озолина. Жила у Степаныча на даче и строчила на него доносы, что он молоком торгует. А ведь сама у него молоко тоже брала.

— Бывает,— опять согласился Иван.

— И все это взамен тех ромашек, что росли на поляне. Я еще девчонкой была, а помню, как приезжали к нам художники. Все дивились, что ромашки такие высокие и крупные, величиной с чашку...

Вера, как странница — во всем пыльном,— сидела на табуретке у двери, сложив на коленях худые, бледные руки. «Что это с нею? — подумал Иван, удивленный всем ходом необычного разговора.— Вспомнила поляну, о которой не вспоминала тридцать лет. Какой для этого повод? Разговор с судьею?»

— В Подмосковье много прекрасных мест. Поезжай куда-нибудь под Звенигород — увидишь поляны еще лучше.

— Нет,— сказала она упрямо.— Не увижу. Никогда.

* * *

У Вериной противницы характер напористый. Юридическое образование помогало ей в неблаговидных делах. Но, странно, коллеги относились к ней настороженно. В Юрколлегии и в институте, где она преподавала право, ее быстрехонько проводили на пенсию. Она хотела поработать еще годика два, но ей вежливо намекнули на пожелание министерства смелее выдвигать молодых. Чайный сервиз, врученный при этом, как бы возмещал невольно нанесенную обиду. Была проявлена соответствующая забота и в институте. Ей предложили бесплатную пу-

тевку на море. «Нет, благодарю вас, у меня прекрасная дача и, слава богу, неженатые сыновья, так что покой обеспечен». Муж все время был в разъездах и к дому как-то не тяготел. Семейным кораблем командовала Мария Михайловна. «Эдик,— слышалось с ее участка,— хватит тебе заниматься химией, сходи за водою», «Костя, неси лестницу, яблоки снимать будешь».

Изредка Озолины привозят к себе гостей, и тогда из открытых окон дачи с нелепой вышкой на крыше слышится оживленный разговор, звяканье чайных ложек. Дом вполне трезвый, здесь пьют только чай.

* * *

Но однажды, это случилось глубокой осенью, Озолина изменила своему тихому образу жизни. В лесу, сразу за ее участком, вдруг запела в ранних сумерках пила «Дружба».

— Это еще что такое? — сразу насторожилась Вера, мигом вскочившая с постели при этом звуке.

Не то чтобы этот звук был совсем необычным для поселка. Пилою «Дружба» частенько пилили дрова — толстенные бревна арбатских особняков, попадавшие в поселок от «леваков»... Но, во-первых, это происходило всегда днем, поскольку бревна были с гвоздями и железяками. Во-вторых, звук шел со стороны участка Озолиной, никогда не соблазнявшейся левацким товаром.

Вера приникла к окну, но ничего не могла рассмотреть. И как на грех где-то задерживался Иван, еще не вернувшийся из депо.

Не хотелось ей выходить в осеннюю сырость, но звук пилы не давал покоя. Теперь она не сомневалась, что пилят у Озолиной. Но что? Схватив с вешалки пальто, сунув ноги в не просохшие еще сапоги и наскоро обвязавшись полушалком, Вера закрыла дом, ощупью, боясь поскользнуться, спустилась с мокрых ступенек крыльца, по гравию добежала до калитки и здесь лицом к лицу столкнулась с сестрою Полиной.

— Иван дома? — спросила та, запыхавшись от быстрой ходьбы.

— Не приходил еще. А что?

— Да там мужики из соседнего барака дубы валят. Два уже повалили. Озолина их наняла.

— Как так «наняла»?

— Поди спроси! Машет какой-то бумажкой, будто бы лесник разрешил. Иван-то скоро придет?

— Да что тебе Иван? — вскипела Вера.

— Прогнать их надо, а они пьяные.

— Ну и что? Будто я пьяных не видела.

Вера грубо отстранила ее с дороги и побежала туда, где слышались чьи-то возбужденные голоса. Горластая старуха Мурашова на весь лес крикнула одно слово: «Разбойники!»

— Вера! — попросила Полина.— Тебе нельзя волноваться.

— Отстань!

И, добежав, почти в темноте, в лесной сырости, где светились уже три больших среза, накинулась на пильщиков:

— Вон отсюда! Пакостники! Пьянчужки!

— Куда лезешь? Сдурела?

— Прочь! Кто разрешил?

Из темноты смущенный голос Озолиной:

— Вера Андреевна, вы напрасно... Это старые дубы, они могли упасть на мои ворота. Видите, сердцевина темная...

— Это у вас сердцевина темная!

— Ну хорошо, зачем столько крику? Я же по договоренности с лесником.

Еще кто-то из темноты:

— И все ей можно! Дубы спилила, теперь участок в лес продвинет.

«Бум, бум, бум!» — сердито гудят пьяные пильщики. «Дзинь!» — музыкально, даже нежноворкотнула вынутая из дерева пила.

Вера схватилась за сердце и, внезапно оглохшая, повалилась на чьи-то потные руки.

* * *

После этого случая Озолина долго не показывалась на своей даче. Спиленные дубы подобрал лесник и вывез куда-то от греха подальше. Сколько ни допытывалась у него старуха Мурашова, с чьего ведома совершена порубка, он кратко и сердито отвечал: «Не знаю».

Вера, недельку отлежавшись, сходила в Совет — рассказать о происшествии, а главное, позвонить в лесничество, где, как и следовало ожидать, весьма удивились. «Да мы за каждый дуб голову снять можем!» — кричал в трубку главный инженер и тут же записал фамилию порубщика, грозя праведным судом.

Как ни странно, но больше всего смущенным оказался председатель поселкового Совета. Он даже защищал Озолину.

— У вас, Вера Андреевна, пристрастное к ней отношение. Ну, допускаю, велела она спилить дубы, так, значит, были у нее к тому основания. Она сама юрист и понимает всю ответственность.

Вера чуточку призадумалась.

— Интересно, сколько с нее возьмут штрафа?

— Если дубы старые — рублей сорок пять.

— Вот видите, всего сорок пять! А участок она прирежет не меньше чем на две сотки. Игра стоит свеч. Нет, Иван Семенович, не защищайте. Если она при деньгах, то и надо было сразу покупать дачу с хорошим участком, а не хитрить и не хапать по кусочкам. Противно это!

Председатель хмуро перебирал на столе бумаги. Избранный на этот пост недавно, он еще постигал, чаще всего через собственные промахи, сколь хлопотна и всеобъемлюща его работа. Вот и вчера, ни с кем ни посоветовавшись, поручил он Озолиной, по ее просьбе, сбор средств на памятник. Решение о памятнике приняли давно, и сборщики по другим поселкам уже работали, за исключением того поселка, где жила Ковригина.

— Она больна, а мне нетрудно,— заверила председателя Озолина, специально заглянувшая в поселковый Совет, чтобы попросить себе общественное поручение.— Ушла на пенсию, теперь вот места себе не нахожу... И вообще, если вам понадобятся мои услуги...

Когда он сказал об этом Ковригиной, ее негодованию не было конца. И все твердила, что Озолина недостойна столь высокой миссии.

— Ну, как хотите,— рассердился наконец председатель,— подписной лист я у нее отбирать не стану.

Вскоре в один из погожих дней тщательно приодетая и даже торжественная Озолина явилась в поселок. С кожаной папкой она ходила из дома в дом, нигде особенно не задерживаясь, так как деньги ей вручали поспешно, ссылаясь на занятость по хозяйству. Дошла очередь и до ковригинского дома, но на калитке, чего сроду не бывало, висел замок.

Недоумевая, сборщица постучала о него металлической ручкой.

— Вам что? — насмешливо спросил Иван, выйдя на крылечко.

— Откройте. Я общественный сборщик. С подписным листом.

Тогда Иван четко и вежливо, как парламентер с неприятелем, сказал, что деньги на памятник от семьи Ковригиных и от пенсионерки Мурашовой уже сданы в поселковый Совет.

Озолина обескураженно пожала плечами. Белое шерстяное пальто молодило ее, а ряд «золотых» пуговиц так и сверкал на солнце. Пальто было явно не по сезону, но белый цвет как бы подчеркивал непорочность ее помыслов.

— Ну хорошо, тогда распишитесь, я же по списку собираю. Есть какой-то порядок... Мне поручили...

— Никто вам не поручал. Сами вызвались!

— Ковригин! — отшатнулась от калитки Озолина.— Как вы смеете?

— А вы как смеете? Вправе ли вы касаться к столь святому делу?!

— Я подам в суд,— сердито пообещала Озолина.

— Ну что ж,— согласился Иван,— поговорим в более широкой аудитории. Любите вы таскаться по судам.

* * *

Посреди зимы в поселок, основательно занесенный снегом, вдруг явилась комиссия. Незнакомые лесники с главным лесничим лазили по сугробам, измеряя участки. Жители не препятствовали, но и не помогали. Те, кто был дома, наблюдали из окон. Даже собак не унимали. Злющий пес Николая Бедолагова, безошибочно отличающий нужных посетителей от ненужных, ухватил за штаны самого главного лесничего.

Шумок получился изрядный. Теперь взялись лаять все тридцать собак в поселке. Поглядеть на нежданных гостей вышла и сама хозяйка.

— Милаюшки, вы откуда? — допытывалась она.— Поглядите, что моя соседка наделала: калитку мою проволокой повила да еще штраф платить заставила...

— Ничего, мать, не знаем. Не касаемся.

Вышел на свой двор еще один сосед Озолиной, пенсионер Степаныч.

— Привет, служивые! Чего это вы по сугробам вдарились?

— Надо, вот и вдарились! — огрызнулись лесники.— Отмыкай калитку, сейчас твой участок замерим. Да пса прибери, чтоб его разорвало.

— Отойди, Шарик, потом разберемся! — сказал Степаныч собаке и, прислонив будку дощатым щитом, пошел за депутатом.

Пришла Вера и строго спросила у лесников, почему они здесь хозяйничают без спроса.

— Наши земли, вот и хозяйничаем.

— Они и прежде вашими были, чего это вдруг спохватились?

Главный промолчал, зато один из его подчиненных брякнул:

— Мы по сигналам работаем.

«Ах, вот оно что,— тут же догадалась Вера,— значит, не дремлет озолинская рука».

— Ваша «сигналистка» осенью три дуба сгубила. Взыскали с нее?

— Взыщем,— неохотно пообещал главный.— Вы вот что,— продолжал он,— вы давайте оформляйтесь с землею как положено, договора с нами заключайте на аренду. Кто потолковее, тот давно это сделал.

Ясное дело, кто потолковее: Озолина! И как же это в лесничестве раскусить ее не могут?

Ушли леснические, а местные жители, собравшись у водопроводной колонки, стали спрашивать у Веры, когда же в самом деле решится вопрос с землею и почему они платили за нее столько лет, когда платить не полагалось.

— Как это не полагалось? — занервничала Вера.— Воду вам провели, дорогу от станции заасфальтировали, теперь вот газ обещают. Что за люди пошли неблагодарные!

— Ладно,— сказал Степаныч, устыдившись своих претензий.— Что говорить: поселились мы тут нахрапом, а государство для нас тем не менее благоустройство произвело. А вот насчет Озолиной — тут наше терпение кончилось. Надо о ней в редакцию написать. Жил у меня один грамотный человек на даче, съездию к нему, посоветуюсь. Он все ее проделки знает. Заострит внимание где надо.

На том и порешили.

Окончание следует.

А. СОФРОНОВ

ШЕСТЬ ХОРО

В САБАНТУЙ

В Уфе во время областной партийной конференции зимой этого года выступал секретарь Илишевского райкома партии Талгат Лутфуллович Рахманов. Так же, как и другие делегаты конференции, он рассказывал о практике работы районной партийной организации по повышению урожайности и о многом другом, казавшемся на первый взгляд обычным. Но вот Рахманов произнес одну цифру: за 1970 год район в среднем собрал 27,4 центнера зерна с гектара. Цифру можно было бы и не заметить, как мы подчас пропускаем мимо ушей многие цифры, не придавая им особого значения. Но сейчас иное время: то, что происходит в сельском хозяйстве, стало интересовать не только тех, кто живет в деревне, но и значительную часть горожан, все больше понимающих, что ответственность за все, что происходит в стране, ложится поровну на плечи сельских и городских тружеников. Я спросил сидевшего рядом секретаря обкома партии Тагира Исмагиловича Ахунзянова: не ослышался ли я?

Ахунзянов только улыбнулся:

— Не ослышались... Это очень интересный район. Люди там работящие, пользующиеся передовыми методами обработки земли, и главное, что еще,— это правильно понятые районной партийной организацией задачи, поставленные Центральным Комитетом партии, по подъему урожайности.

В это время Рахманов закончил выступление и сошел с трибуны. На лацкане пиджака я заметил блеснувшую золотую звездочку.

...Во время работы XXIV съезда партии я познакомился с Талгатом Рахмановым. Он сказал мне:

— Приезжайте к нам в район. Познакомитесь с нашими людьми... Посмотрите, как мы живем...

...Вместе с Дмитрием Бальтерманцем мы прилетели в Уфу поздно ночью. Встретивший нас Тагир Ахунзянов сказал:

— У вас есть три часа на отдых, а рано утром надо ехать в Илишевский район. Товарищи очень хотели, чтобы вы приняли участие в сабантуе...

Признаюсь откровенно, ранее поддавшись неправильному толкованию слова «сабантуй», использованному в нашей литературе несколько шутливо, я ответил, что мы, собственно, летели не столько на праздник, сколько для того, чтобы побеседовать с товарищем Рахмановым, посмотреть, как живут в колхозах, познакомиться с людьми.

Ахунзянов спокойно выслушал меня, но сказал:

— Все правильно, только на сабантуй вам надо обязательно попасть.

Рано утром мы переехали реку Белую и взяли курс на Илишевский район. Мы ехали не главной, а более короткой дорогой, но она оказалась не в лучшем состоянии. Только недавно прошли дожди. Вокруг дороги стояли густые всходы. Июньское солнце то скрывалось в легких тучках, то вырывалось из них, и тогда все вокруг сверкало миллионами серебристых блесток.

Километров за двадцать до райцентра нас встретил Рахманов. Лицо у него было озабоченное.

— Барометр показывает на дождь,— сказал он.

— Так это хорошо для хлеба!

— Хорошо, даже очень хорошо... Но сегодня нужна была бы ясная погода. У нас сабантуй. Пятнадцать тысяч человек собрались со всего района. Это ведь все же праздник окончания весенних работ...

...И в самом деле, наша «Волга» все время обгоняла грузовые машины и автобусы с молодежью. На въезде в райцентр, справа от дороги, мы увидели много людей. Легкие трибуны, полукругом охватившие огромное зеленое поле, над которым, плотно окружая его, поднимались высокие пологие холмы. Громко играло радио.

И вдруг пошел дождь.

— Заедем в райком,— предложил Рахманов.

В кабинете он подошел к барометру.

— К осадкам,— вздохнул Рахманов и постучал пальцем по барометру, а затем Рахманов набрал номер телефона.

— Ну, как на поле? — спросил он. Выслушав, он повесил трубку и сказал: — Никто не уходит. У нас прочный народ. Передвинули открытие с одиннадцати на двенадцать. Дождь пройдет... Пройдет дождь,— проговорил он уже уверенно.

Мы с надеждой смотрели на окно.

— О, пузыри на лужах,— сказал Бальтерманц,— дождь не скоро кончится.

И вдруг по лужам побежали солнечные лучики. Дождь прекратился. Зазвонил телефон. Рахманов впервые улыбнулся.

— Поехали,— сказал он весело.

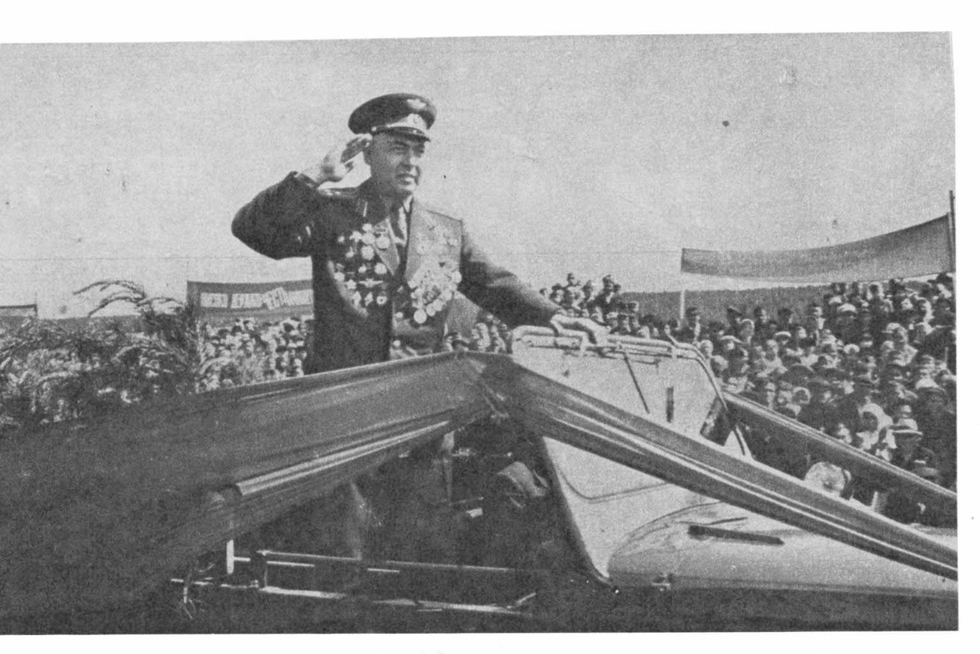
...Подоткнув подолы, к трибунам бежали девчата. Некоторые из них отмывали туфельки в лужах. Как-то сразу ветерок разметал тучи, и зе-

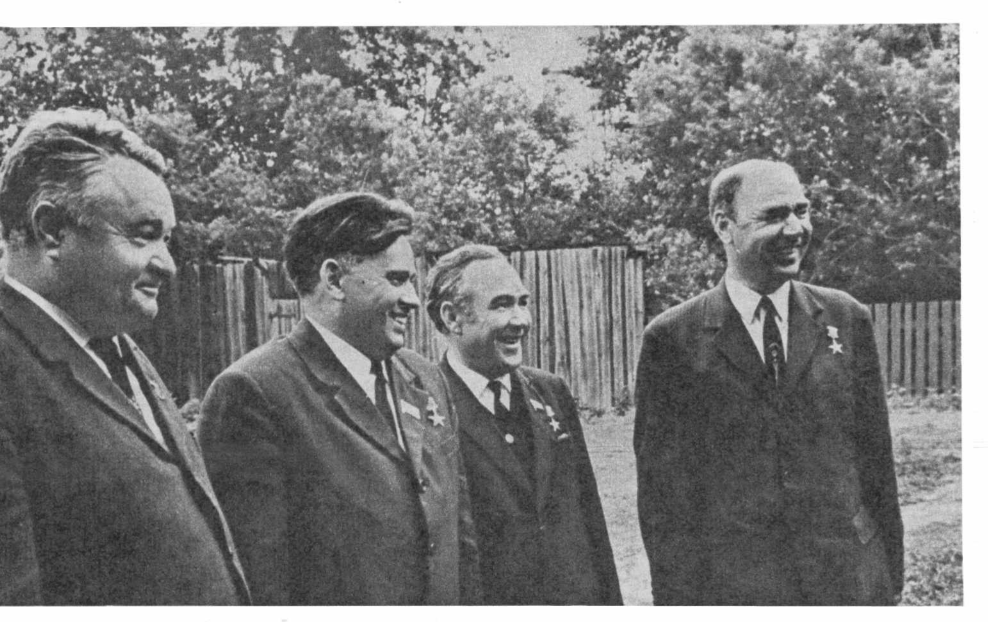

Башкирский танец.

ЧАСОВ
ШЕЙ ПОГОДЫ

Дважды Герой Советского Союза М. Г. Гареев.

Председатель колхоза «Башкортостан» Г. Х. Сираев, секретарь Илишевского райкома, Герой Социалистического Труда Т. Л. Рахманов, председатель колхоза «Октябрь», депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Ф. Ф. Яхин и председатель колхоза «Искра», Герой Социалистического Труда Т. С. Назмиев.

леное поле повеселело. Перед большой эстрадой выстроились со знаменами знатные люди района.

На сцену поднялись руководители района. Рахманов поздравил земляков с успешным завершением весенних работ и выразил надежду, что в этом году Илишевский район в среднем соберет 28 центнеров с гектара.

Как бы подтверждая это, теплый ветер развернул большое красное полотнище, поднятое рядом со сценой на высоком шесте. На полотнище было написано: **28 центнеров.**

А затем, собственно, и начался сабантуй, но уже новый, современный, впитавший в себя поправки нынешнего времени. Эстраду заняли артисты Башкирского ансамбля народного танца, солисты Башкирской филармонии, актеры государственного цирка, зажигательная самодеятельность Илишевского района.

Нет возможности описывать весь этот острополитический концерт, в котором стихи башкирских поэтов чередовались с танцами, выступления уфимских самодеятельных гимнастов — с акробатикой цирковых артистов. Как своих близких, хорошо знакомых, зрители встретили певицу, народную артистку Башкирской республики Фариду Кудашеву и заслуженную артистку РСФСР, исполнительницу русских народных и современных песен Нину Татьянченко.

Русские, украинские, башкирские, татарские, марийские танцы захватывали зрителей.

Звучали песни советских композиторов... И как-то особенно остались в памяти песни Дунаевского и Мурадели. Думалось: нет в живых этих прекрасных мастеров советской песни, но мелодии их живут и наполняют сердца слушателей радостью и печалью. Как же может исчезнуть «Бухенвальдский набат» Вано Мурадели?

Уже третий час шел этот необычный концерт, и никто не смотрел на голубое, окаймленное облаками небо. Все зрители оставались на местах. Откуда-то слева от нас послышался конский слитный топот. С обнаженными саблями на дорожку вынеслись два всадника. Это скакали рядом Емельян Пугачев и Салават Юлаев. Как были они рядом двести лет назад живые, так и сейчас, воплощенные в живые образы, оказались рядом, символизируя дружбу русского и башкирского народов. И снова пришло в движение зеленое поле праздника — в черной бурке скакал, пригнувшись над холкой коня, Чапаев...

И вот она оказалась совсем рядом — героическая история нашего народа. На беговой дорожке показался — уже не на коне, а на зеленом «газике» — полковник запаса, на груди которого блестели две Золотые Звезды. Это был прославленный летчик Муса Гареев, ушедший когда-то на войну из этих мест, а теперь взволнованно смотревший на своих земляков,— человек, ставший уже легендой. «Газик» остановился возле сцены. Муса Гареев поднялся на помост.

— Дорогие земляки,— сказал он,— я поздравляю вас с трудовыми подвигами. Не забывайте подвиги героев Великой Отечественной войны, поднимайте Илишевский район еще выше. Те, кто пролил свою кровь, кто отдал свои жизни за счастье народа, сделали все, чтобы потомки их трудились и жили так, как мечтали их великие предки.

...Так сомкнулась история на этом сельском празднике, сомкнулась через все столетия, десятилетия и годы. Сомкнулась естественно, звено за звеном. Здесь было и искусство, и сама жизнь, и добрая выдумка, и благодарные зрители, приобщенные к искусству, близкому и родному для них.

— Как вам понравилось представление? — спросил меня незнакомый человек с живыми, умными глазами.

— Как же может оно не понравиться? — ответил я.— Разве вы не видели, что все три часа зрители сидели, не трогаясь с места?

— Спасибо, спасибо,— пробормотал смущенно незнакомый мне человек.

— Благодарить надо тех, кто создал это представление, построил его так интересно. Вы не знаете, кто этот человек?

— Ну, это неудобно говорить...

— Почему?

— Тогда мне придется вам назваться... Заслуженный деятель искусств Башкирии, композитор Шамиль Кульбарисов.

— Так это вы автор этого представления?

— Не я один... Но... Это и есть народное искусство. Как видите, время вносит поправки даже в такие зрелища. Это и есть современный сабантуй,— сказал Кульбарисов.

...Солнце почти окончательно подсушило дорожки. На помосте местные силачи поднимали гири. Начался бег в мешках. Женщины на коромыслах энергично несли ведра воды. На спортивной дорожке шли соревнования по бегу для юношей и девушек.

Вдали показались рысаки в беговых дрожках. Председатели колхозов, сидевшие на трибунах, нервно играли желваками — каждый из наездников представлял тот или иной колхоз района.

...Шел уже шестой час праздника. По полю скакали подростки без седел. Это были национальные башкирские скачки.

И когда уже мелькнул красный флажок, давший старт последней скачке подростков, небо быстро стало темнеть, над праздничным полем потянулся серый дождливый полог. Я взглянул на часы. Было шесть часов вечера. Ровно шесть часов хорошей погоды выпало для того, чтобы илишевцы отпраздновали свой весенний праздник — сабантуй.

ДУМЫ СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА

Трое суток мы прожили в этом районе. Мы хорошо освоили и сам райцентр, село Верхнеяркеево, в котором живет около трех с половиной тысяч человек. Мы уже знали, что здесь строятся новый Дом культуры, средняя школа, узел связи, здание редакции районной газеты, училище механизаторов, больница на 240 коек и, конечно, новые жилые дома. Недавно состоялся расширенный пленум райкома партии, обсудивший вопрос о капитальном строительстве в районе. В работе пленума приняли участие представители «Башкиргражданпроекта», «Главбашстроя» и «Башколхозпроекта». Разговор шел о детальной планировке райцентра, населенных пунктов, о газификации — в 1972 году она должна быть закончена. В 100 населенных пунктах должен быть построен водопровод. Огромное внимание уделяется механизации животноводческих ферм, строительству домов для колхозников. Да разве все перечислишь: в эти дни деревня круто меняет свой облик. Не хлебом единым жив человек. Не единым... И все же... «Хлеб — всему голова» — так называется книжка Т. Л. Рахманова, недавно выпущенная Башкирским книжным издательством, в которой он рассказывает о работе партийных организаций Илишевского района в борьбе за увеличение производства зерна.

Много часов провели мы вместе с Талгатом Лутфулловичем, путе-

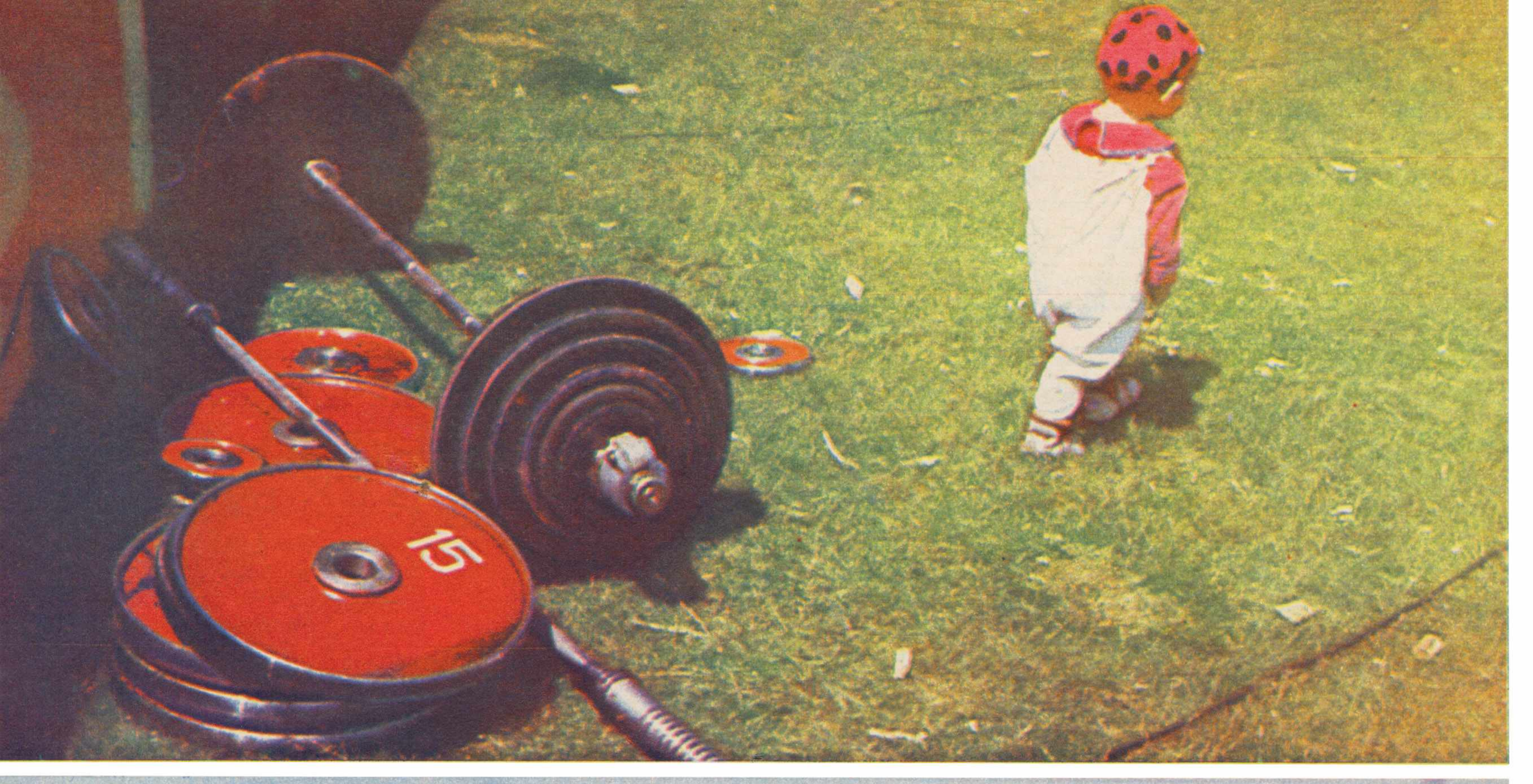
Зрители на празднике.

●

Сцена встречи Салавата, Пугачева и Чапаева.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

15

шествуя по району. Рахманов по-хозяйски, с удовольствием поглядывал на дружные всходы, ярко-зеленую, уже сравнительно высокую щетинку посевов. С каким-то особым удовольствием он говорил:

— Мы сменили недавно еще распространенный у нас сорт Лютесценс-62 на Харьковскую-46, Саратовскую-33 и Саратовскую-36. Эта яровая пшеница и дает урожай на 3—4 центнера выше. А что такое три-четыре центнера для всего района?! Колоссально.

Рахманов с увлечением рассказывал нам о колхозе «Октябрь», возглавляемом депутатом Верховного Совета СССР, Героем Социалистического Труда Файзылгаяном Фаткулбаяновичем Яхиным:

— Это прекрасный колхоз. В прошлом году с 3 220 гектаров он получил в среднем по 34,6 центнера зерна. Что важно? Коммунисты колхоза и, в частности, механизаторы Габат Исламов, Вагиз Каримов, Альфис Вильданов, шоферы Рашит Имамов, Мирхат Закиров да и многие другие своим собственным примером убеждают товарищей в полном преимуществе работы по-новому. А что значит работать по-новому? Ни шагу назад от агротехники. Ни шагу! Весна была холодная, затяжная, с дождями. Здесь смотри в каждом конкретном случае за каждым участком, готовь почву...

В полях, среди всходов, мы видели синенькие таблички. На них сообщалось, кто посеял, какую культуру, норма высева, площадь посева.

— Если раньше сеял один, а убирал другой, то наши механизаторы сейчас полностью отвечают за все работы — от посева до уборки урожая. Механизаторы — одни и те же люди — и сеют и убирают хлеб. По принципу — что посеешь, то и пожнешь... К этому еще можно прибавить: как посеешь, так и уберешь. И это себя целиком оправдывает. Вы знаете, однажды директор института биологии Башкирского филиала Академии наук СССР В. К. Гирфанов рассказал о том, что поразило его в колхозе «Октябрь». Он увидел на поле с однородной почвой участок всего в два гектара, но в низине и менее плодородный. Во время вспашек паров на эти два гектара вывезли дополнительное количество органических удобрений и извести. «Зачем вы это делаете?»— спросил профессор. «Выравниваем плодородие поля»,— ответил ему заслуженный агроном Башкирской республики Ахнаф Басыров.

Через несколько лет профессор, оказавшись снова на том же участке, не обнаружил никакой разницы между этими двумя гектарами и всем остальным полем... Ахнаф Басыров — это очень талантливый колхозный ученый. Под его руководством внедрена в колхозе глубокая пахота и даже изменена конструкция плуга. А результаты отличные. Он заслуженно награжден орденом Трудового Красного Знамени.

...Мы ездили по району, беседовали в поле, в правлениях колхозов, невольно наблюдая и за Рахмановым и за теми, с кем он разговаривал. Так мы оказались в колхозе «Искра» в кабинете председателя колхоза Тимерхана Сафуановича Назмиева, человека немногословного и подтянутого. Не так давно за успехи в прошедшем пятилетии Назмиеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Уезжают из колхоза люди? — спросили мы председателя.

— Да, конечно,— ответил он.— Уезжают в армию и на учебу... Уезжают, а затем возвращаются обратно в колхоз.

Мы ходили по гулкому, пустому в полдень залу колхозного клуба.

— Бывают здесь артисты из Уфы да и московские заглядывают... Кино, конечно... В клубе чисто, паровое отопление, значит, зимой тепло, можно верхнюю одежду снять... Молодежь танцевать любит, вот зал и для танцев,— говорил Назмиев.

— Но не только танцы... Самодеятельность у них. Читают много. Книги обсуждают,— сказал Рахманов.— У нас прошли читательские конференции по книге Михаила Алексеева «Хлеб — имя существительное». Большой интерес вызвала эта книга, близкая хлеборобам.

В последний день перед отъездом мы беседовали с Талгатом Лутфулловичем в его кабинете. Он показал письмо бывшего секретаря райкома партии М. И. Идрисова в обком партии, написанное в апреле 1941 года. В письме сообщалось о тяжелом продовольственном положении района, изложена просьба о помощи зерном для посева и фуражом для скота. Скупые слова, но из них можно было сделать заключение, что район находился в бедственном положении. Затем Рахманов показал нам сводку средней урожайности по району с 1937 года. Она выглядит таким образом:

37—40 гг. —	6,1	центнера
41—45 гг. —	5,1	»
46—52 гг. —	4,9	»
53—58 гг. —	7,8	»
59—64 гг. —	16,3	»
65—70 гг. —	24,7	»

И отдельно цифра **за 1970 год — 27,4 центнера.** И тут я вспомнил невольно сабантуй и красное полотнище, на котором было начертано **«28 центнеров»**.

Действительно, только цифры, но сколько за ними стоит героического, напряженного, ежедневного труда всей районной партийной организации!

— Никто в городе не удивится, если увидит инженера, директора завода, любого работника, сидящего часами с удочкой или загорающего у озера или реки. Но разве вы когда-нибудь увидите за этим занятием председателя колхоза или сельского партийного работника? Это просто было бы ЧП. Таков наш труд... Я не выделяю его ничем. Просто условия у нас другие... Обо всем приходится думать. Искать новые формы воспитания наших людей. Что такое урожай? Бочка из разных клепок, разных, но предельно взаимосвязанных друг с другом. Тут все... Люди у нас учатся. Каждый год учатся, потому что сельскохозяйственная наука неустанно развивается. Механизатор не выходит в поле без удостоверения, что ему разрешается доступ к работе. А такое удостоверение он может получить, только сдав экзамены, повысив свою квалификацию. И он кровно заинтересован в этом. Колхозы оплачивают время занятий. А эти занятия дают потом большой заработок.

— Это верно, Талгат Лутфуллович, что райком и райисполком пишут письма женам механизаторов?

— А как же, мы пишем женам, чтоб они чувствовали себя участниками общегосударственного дела борьбы за урожай. Мужьям-то приходится не только много сил, но и времени отдавать в эти напряженные дни... Пишем женам, чтоб помогали им... Так соединяются знание и сознание. Всякие бывают случаи с сознанием... Был у нас один председатель колхоза. В возрасте уже, прибаливать стал. Хороший человек. Мы не беспокоили его. И вдруг явился и говорит: «Вот пришел на пенсию проситься. Чувствую, пора. Как подъедет ваша машина к правлению колхоза, у меня сердце замирает, думаю, войдете и скажете: пора, старик, на пенсию... А вы все не говорите, чувствую, жалеете... Вот я сам пришел... Пора... Помоложе вместо меня надо». Отпустили, конечно, с почетом.— Рахманов вздохнул.— Профессия партийного работника сродни профессии общевойскового командира: все роды оружия должен знать. Но мы ни с кем не теряем связи. Видели: на сабантуй бывший секретарь райкома Абдрахман Абдулкаримович Янгуразов приезжал? В Уфе живет, уже за семьдесят ему, но на все наши большие торжества приглашаем. Много он своих сил в район вложил, все помнят его добром.

— Часто приходят в райком рядовые колхозники?

— Приходят... И не только в райком... Однажды зимой уже к ночи приехал домой. Жена сидит с женщиной, беседуют. Чай пьют. Доярка из колхоза... Язычок у нее, конечно, острый, что-то бригадиру нагрубила, он обиделся и отстранил от работы. Куда ей идти? Домой к секретарю райкома. Поплакала да и свою вину признала... Переночевала у знакомых, я ее отправил машиной на другой день... Позвонил, чтоб не проявляли характер... Но это частности. Главное в нашей работе — воспитание профессиональной гордости хлебороба. Профессия хлебороба самая древняя. Вот мы и стараемся, чтобы люди гордились ею, как гордятся своей профессией шахтеры, металлурги, машиностроители. А тут есть свои тонкости, свой профессионализм. Вы знаете, сколько растений должно быть на квадратном метре земли?

— Нет, конечно...

— А хлебороб, механизатор должен знать. 650—700 растений. И заделать зерно надо на 5—6 сантиметров. Вот когда человек этот психологический барьер знаний одолеет, когда знания войдут в сознание, тогда станешь настоящим хлеборобом и сможешь гордиться своей профессией. Агротехника стала для нас политикой. Агротехника — неотъемлемая часть экономики. От понимания этого повышается культура человека, значит, повышается общая культура всех наших людей, всего народа. Тут, конечно, многое зависит от председателя колхоза. И на их воспитание нужно время. Токарь на производстве имеет дело с металлом, а председатель колхоза—с людьми. Конечно, и у нас бывают случаи, когда одного воспитания не хватает... Ну, что же... Вот еще случай с одним председателем. Видим, нет настоящей хозяйственной жилки. Всегда перерасход финансов. В чем дело? Нарушает финансовую дисциплину... Подачками держится. Тому даст, другому... Но не тем, кто заслуживает по праву. Собрание колхоза в конце концов освободило его... Не так просто, нашлись у него заступники, те, кого он подачками развращал. Но здоровые силы побеждают. С утра всегда к оптимистам попасть хочется, чтоб настроение не портилось. А разве так получается? Все конкретно в нашем мире. Как будто одно и то же, да не одно. В прошлом году град побил пшеницу в одном колхозе. Звонят в панике. Что делать? Надо ехать. А дождя вокруг не было, только там. Установили на месте: град побил листья. Узел кущения остался целым. По законам логики урожай должен быть. И действительно, там оказался самый высокий урожай. Что ж, ругать паникеров? Надо, но спокойно. Спокойно, чтобы другой раз не паниковали. Люди существуют с разными характерами. Если искать стопроцентных людей — без кадров можно остаться да и без товарищей. Самое главное, чтобы люди свободно могли излагать свое мнение... Свободно... Тогда боязни не будет... Это ощущение мы привезли с Двадцать четвертого съезда партии. Радостно было слышать доклад товарища Брежнева и понимать, что Центральный Комитет хорошо знает жизнь низовых партийных организаций. Установка съездом дана хорошая, надо ее теперь оправдать делом. Если бы не было Коммунистической партии, Советской власти, в каком бы мы положении находились? Если б с голода не умерли, то рабами были бы, на господ батрачили.

...В Уфе друзья мне говорили: «Интересный секретарь Рахманов, творческий человек, но сумеете ли вы его разговорить?»

Признаюсь, вспомнил я об этом предупреждении уже на обратном пути в Уфу, когда мы, простившись с Талгатом Лутфулловичем на границе района, выехали на основную дорогу и покатили по гладкому асфальту к столице Башкирии. Не знаю, разговорили ли мы его полностью, но одно могу сказать, что три дня, проведенные в Илишевском районе, еще и еще раз распахнули перед нами широкий мир сельских тружеников, их неустанный творческий труд, полный поисков и замечательных свершений. И если в первый день мы получили шесть часов хорошей погоды, то все остальные часы и дни были заполнены удивительным ощущением людской теплоты и солнечного света, излучаемого тружениками Илишевского района. Это не забывается.

Вес не взят...

●

Скачки.

●

Кто быстрее принесет ведра с водой!

МОЛОДОЙ ГЕРОЙ НАШИХ ДНЕЙ

Знакомясь с тем или другим гастролирующим в Москве театром, прежде всего стараешься найти в нем что-то такое, что отличает его в репертуарных поисках, сценических решениях. Ленинградский драматический театр имени В. Ф. Комиссаржевской привез в столицу разнообразные спектакли. О каждом из них можно было бы говорить весьма пространно. Нам же в нескольких строках хотелось бы выделить одну, но чрезвычайно важную его линию, заслуживающую горячего одобрения. Речь идет о внимании комиссаржевцев к современным пьесам драматургов братских республик.

Совсем недавно появилась в Белоруссии острая, с большим сатирическим зарядом комедия Н. Матуковского «Амнистия». Ленинградцы ею заинтересовались, и звонкая зрительская реакция на их спектакль — достойная им награда. Весело, но и беспощадно высмеяны в спектакле любители показухи, кампанейщины; доброхоты, посадившие себе на шею хулигана, проходимца. Исполнитель роли Григория Соловейчика — так зовут этого «героя» — К. Григорьев щедро использует все благодарные возможности, предоставленные драматургом. Наивным оказывается стремление всевозможными тепличными условиями и подачками возвратить Соловейчика на путь истинный.

Большую радость доставила встреча с героями пьесы талантливого грузинского писателя Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама!..». Надо заметить, что театр не в первый раз встречается с этим автором. В 1967 году он осуществил постановку пьесы Н. Думбадзе «Если бы небо было зеркалом...». Спектакль получил первые премии на Всероссийском фестивале национальной драматургии и на Всесоюзном фестивале, посвященном 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Если в вещах Н. Думбадзе «Я, бабушка, Илико и Илларион» и «Если бы небо было зеркалом...» мы видим молодых людей периода Великой Отечественной войны, то в пьесе «Не беспокойся, мама!..» главными персонажами становятся юноши и девушки наших дней.

Казалось бы, незамысловата история о юноше, не прошедшем по конкурсу в медицинский институт и оказавшемся в пограничных войсках, но эта история, как всегда бывает у Думбадзе, полна серьезных мыслей, глубоких наблюдений над действительностью.

Каждый персонаж здесь как бы выхвачен из жизни; даже крохотные роли отмечены яркой индивидуальностью. Все это создает убедительную, тонкую картину времени. И родственники главного героя, и его новые знакомые в Тбилиси, и друзья по пограничной службе выписаны автором психологически достоверно, талантливо...

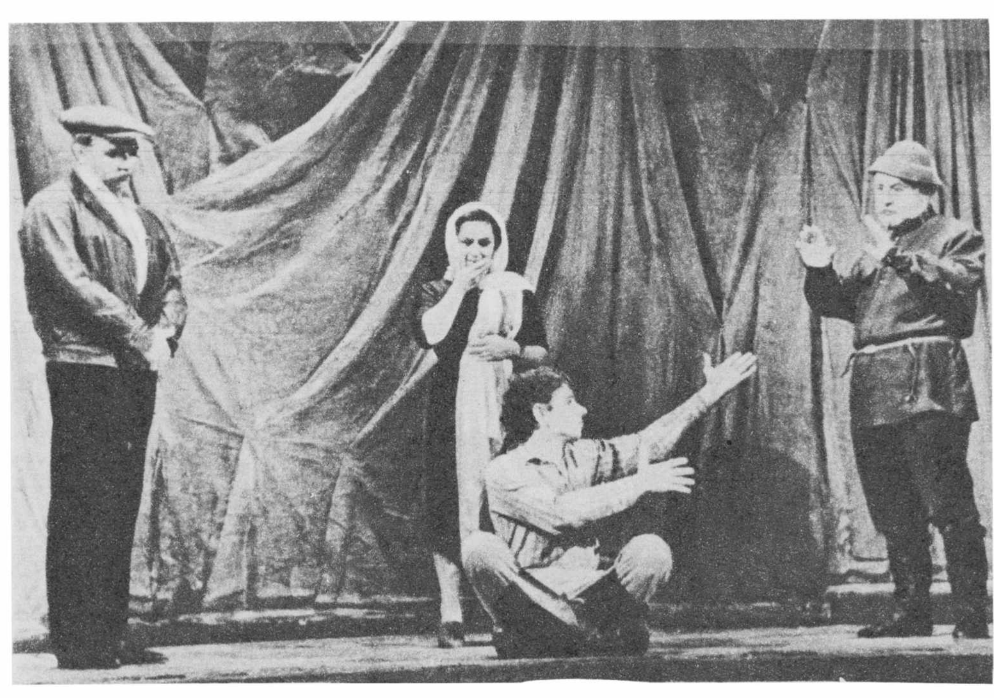
У нас очень мало пьес о современной армии, и потому пьеса «Не беспокойся, мама!..» — особенно приятное явление.

В этой интересной пьесе тоже есть резкие, обличительные мотивы. Автор зло высмеивает представителей той части молодежи, которая так падка на различного рода модные увлечения, игру в «свободное творчество», воображающей себя этакой «элитой», живущей по особым законам. Это накипь, ржавчина, ее можно презирать, но с ней надо бороться, что и делает любимый герой автора, театра и нас, зрителей, Теймураз Джакели в исполнении Г. Корольчука.

Актер превосходно доносит поэтическую, лирическую интонацию, столь характерную для Думбадзе, удивительно точно схватывая тональность вещи, чему, естественно, способствует постановщик Р. Агамирзян. Он выдерживает этот тон от первой до последней реплики. Г. Корольчук создает отличный портрет молодого человека наших дней — умного, тонкого, оригинально мыслящего, начисто лишенного манерного скепсиса и худосочной ироничности, еще так недавно считавшихся чуть ли не основными признаками «интеллектуального» юноши наших дней.

Не знаю, как в дальнейшем сложится судьба у молодого актера Г. Корольчука, но хочется пожелать, чтобы сложилась как можно счастливее. Спасибо ему и всему коллективу театра за ту радость, которую доставили нам ленинградцы, проникновенно, увлеченно, темпераментно раскрывшие на сцене лучшие черты современного человека.

Н. ГРОМОВ

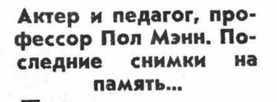
Сцена из спектакля «Не беспокойся, мама!..». Фото И. Александрова.

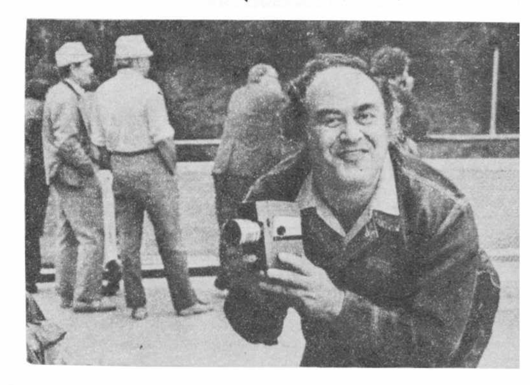
При расставании всегда грустно, хотя вообще-то киноактриса француженка Клод Жад — человек жизнерадостный.

Полон впечатлений режиссер из Нигерии Адамо Халилу. И до последнего дня в Москве накапливает он новые впечатления...

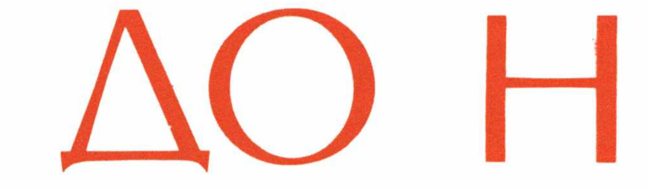
Актер и педагог, профессор Пол Мэнн. Последние снимки на память...

Еще раз сняться в фильме советского режиссера — такое желание высказала перед отъездом Марина Влади.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Большим праздничным событием стал в Москве VII Международный кинофестиваль. Две недели шли в кинотеатрах столицы фестивальные картины. Это была широчайшая зрительская трибуна, трибуна творческой полемики, обмена мнениями, показа новых достижений мирового киноискусства.

Главной на фестивальном экране была тема, волнующая всю прогрессивную кинематографию: тема борьбы за человека, за его права на свободу, независимость и счастье. Раскрывалась она с самых разных, хотя иногда и спорных позиций. Ужасающая жестокость, обилие крови, всевозможные человеческие страдания, откровенное живописание всех людских пороков, которыми увлечен буржуазный кинематограф, не являются средством борьбы за социальную справедливость, за мир и благополучие народов. Обо всем этом шел большой и содержательный разговор на традиционной дискуссии «Кино в борьбе за социальный прогресс».

На конкурсном экране ярко и жизнеутверждающе прозвучали фильмы кинематографистов социалистических стран. Полные веры в будущее, прогрессивные режиссеры нашли светлые и радостные краски для раскрытия темы строительства новых отношений между людьми, для утверждения человеческого достоинства.

В третий раз участвовали в международном киносмотре фильмы для детей. Одна из пресс-конференций кинофестиваля с удовлетворением отмечала, что каждая пятая из выходящих на экраны в СССР картин — детская.

Лицо короткометражного конкурса определили ленты острой политической направленности. Такова, скажем, работа молодой французской кинодокументалистки Йоланды Дюлюар «Анджела Дэвис — портрет революционерки», лента американского режиссера Джозефа Стрика «Интервью с ветеранами Сонгми».

В дни фестиваля был организован показ специальной программы «Образ современника на экране». Большой интерес и широкое обсуждение вызвали советские картины «У озера», «Начало», «Белорусский вокзал» и другие.

Комитет солидарности стран Азии и Африки принимал у себя гостей и участников фестиваля из Вьетнама, Монголии, Сенегала...

Прощаясь с Москвой, кинематографисты говорили, что, кроме призов и подарков, увозят с собой много живых, незабываемых впечатлений, а главное — горячую надежду на новую встречу в Москве на будущем VIII Международном кинофестивале.

Н. ЗЫБИНА

Русский сарафан на память о России увезет Эвелин Опочински, актриса из ГДР.

ОВЫХ ВСТРЕЧ!

Иван ГОЛОВЧЕНКО

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Острой болью отозвалась в сердце директора Карпова гибель людей. Он испытывал угрызения совести перед родными погибших, перед рабочими. Проклинал себя, что в тот вечер ушел из цеха. Лучше бы там остался. А теперь всякое могут подумать. Как же: сам ушел, а людей оставил на верную гибель! Карпов уже слышал такие разговоры о главном механике Федорове. Так случилось, что Федоров, остановив работу цеха, вызвал слесарей, организовал ремонт оборудования, а сам ушел домой. Только успел отойти от цеха, как произошел взрыв. Кое-кто истолковал уход как проявление трусости: дескать, учуял опасность и ушел из цеха, а людей оставил... Хотя такого о директоре завода и не говорили, все же Карпов принимал услышанные упреки и на свой счет. Особенно угнетало то, что он сам никак не мог найти причину взрыва. Уже в который раз допрашивает его прокурор, беседует с ним профессор, идут непрерывные запросы из главка и обкома, все требуют объяснений, а он ничего вразумительного сказать не может. Он чувствовал, что это воспринимается следователями как хитрость, преднамеренная уловка, попытка уйти от ответственности.

Приехав домой обедать, он сел за стол да так и просидел более часа, уставившись в одну точку. Жена понимала душевное волнение мужа, ей хотелось поговорить с ним, помочь советом. Но разговор не получался.

— Собери-ка лучше чемоданчик,— попросил Карпов.

— Я уже собрала.— Жена вытащила из-под кровати небольшой чемоданчик, в нем лежали две пары белья, рубашки, носовые платки, мыло, бритва, носки.— Может, еще банку свиной тушенки положить?

— Зачем? Там же, наверное, кормят...

— А кто его знает, как оно там...— сказала жена и заплакала.

У Карпова засаднило в горле, он пожалел жену, ее горе потрясло его: «Чемоданчик-то давно сложила, а от меня прятала, не хотела расстраивать».

— Если посадят, вызови телеграммой маму и устраивайся на завод. Начальник отдела кадров обещал взять тебя!

В соседней комнате заплакал ребенок. Жена вышла, а когда возвратилась на руках с дочкой, Карпов уже стоял посреди комнаты с чемоданом в руках. Он поцеловал малышку, тронул ее крохотный носик, улыбнулся и ушел...

Уже сидя в кабинете, он думал о том, что станется с семьей. «Трудно им без меня придется...» За этими размышлениями и застал его полковник.

— Вы уже пришли? — непроизвольно вырвалось у Карпова.

— Разрешите войти? — заметив растерянность директора, спросил полковник.

— Спрашиваете разрешения... Зачем?

— Я же к вам пришел, а не вы ко мне!

— Тогда прошу, садитесь! — Карпов закурил, глубоко затянулся.

— Да я вижу, вы уже подняли руки! — Полковник подошел к столу, на котором стоял чемоданчик.

— А что же мне делать? Прокурор сказал, что арестует!

— И вы согласны с ним? Почему не защищаетесь?

— Трудно защищаться, когда все складывается против.

— Вы считаете себя виновным во взрыве?

— Не считаю. Но факты... С техникой безопасности меня подвели. А вообще кому это нужно, никто не хочет вникнуть в мои объяснения.

— А каковы они, ваши объяснения?

— Я не верю, что нарушения, которые мне предъявил прокурор в качестве вины, явились причиной взрыва.

— А что же было причиной?

— Не знаю точно. Может, и нарушения, а может, что другое. Надо подумать, разобраться!

— Думайте, разбирайтесь!

— Думать, разбираться... Когда? Меня каждый день допрашивают, каждый день напоминают, что мое место в тюрьме.— Карпов, волнуясь, вскочил со стула.

— А как бы поступили на месте прокурора вы?

— Я? — Карпов удивленно посмотрел на полковника.

— Да, вы. Цеха нет, люди погибли. Допустим, что вы следователь, как бы вы поступили?

Директор поперхнулся табачным дымом.

— Не знаю... Вина моя, безусловно, есть. В цехе действительно порядка было мало...

Полковник в раздумье подошел к окну: «Вот и сам директор почти согласен с предъявленным ему обвинением. Может быть, правы Романкин и прокурор, требуя согласия на его арест?»

Полковник резко повернулся, подошел к Карпову.

— А почему же все-таки произошел взрыв?

— Почему? Если бы я знал...

— Ну что же, до свидания, товарищ директор. Мало я получил от нашей беседы,— сказал полковник.

— Вы уходите? А я думал...

— Что вы думали?

— Думал, что за мной...

— Это могут сделать и без меня. До свидания...

Полковник закрыл за собой дверь. «Что же дальше? Ведь шел к нему, надеясь хоть что-то прояснить! Может, Романкин прав?..» Полковник взглянул на противоположную дверь. Там рядом с табличкой «Главный инженер» был приклеен лист бумаги с надписью: «Тех. экспертная комиссия».

Полковник открыл дверь.

— Заходите, дорогой. Наконец-то вспомнили обо мне,— обрадовался профессор.

— Ну, как же без вас в таком деле! — сказал полковник, пожимая протянутую руку.

— А вид-то у вас неважнецкий! Не простудились ли? — спросил профессор.

— Нет, здоров. С директором беседовал, расстроился. Прокурор считает его основным виновником взрыва. Он здесь работает давно и завод восстанавливал.

— Ну и что же? Это же хорошо, в его пользу.

— А вы, профессор, разве не знаете о вскрытых следствием возмутительных фактах нарушений правил противопожарного режима в цехе?

— Не знаю.

— А чем же вы занимались эти дни?

— Ищу причину взрыва. А вы что, уже нашли ее?

— Но ведь грубое нарушение техники безопасности и привело к взрыву.

— Интересно. Садитесь, рассказывайте. Что же конкретно?

В кабинет вошел Сиверский. Он остановился в дверях, чтобы не мешать разговору. Снял очки, вытер их платком.

— Грубые нарушения в электрохозяйстве цеха... Поломки оборудования... Да там целый букет безобразий!

— Вообще-то нехорошо, конечно. В цехе должен быть порядок. Но скажите, полковник, при чем здесь взрыв?

— Не понимаю вас, профессор!

— Почему же не понимаете, уважаемый полковник? — вмешался в разговор кандидат наук.— Нарушения правил безопасности в цехе действительно были, но откуда вы взяли, что эти нарушения были причиной взрыва?

— Искрение, трение, удары...

— Но вы не учитываете, товарищ полковник, что аммонит — вещество инертное. Оно не обязательно должно взорваться от всех нарушений, которые вы перечислили. Если хотите, я лично не верю, что это явилось причиной взрыва.

— Вы серьезно?

— Вполне серьезно.— Кандидат наук сел за стол напротив полковника.

— Он зубы съел на взрывчатках,— сказал профессор.

— Так вы оба отбрасываете возможность взрыва от нарушения правил техники безопасности?

— Ну как вам сказать... Говорят, что ружье, даже незаряженное, один раз в году стреляет. Однако вероятность взрыва от указанных вами причин далеко не на первом плане...

Все закурили. Стало так тихо, что слышно было прерывистое, взволнованное дыхание полковника. Тягостное молчание нарушил профессор:

— Вижу, полковник, вы нам не верите. Мы тоже себе еще не совсем верим. Это пока только предположение.

— Предположение... Только предположение! — Полковник окинул профессора строгим взглядом.

— Да, да, не удивляйтесь, предположение. Но предположение научное, основанное на знании свойств взрывчатки. А чтобы убедить вас и подтвердить наше предположение, завтра проделаем эксперимент. Приходите утром. Уверяю вас, полковник, вести поиски причин взрыва намного полезней, чем выжимать признание вины из перепуганного директора!

...Полковник вернулся в свою рабочую комнатку. Его ждали. Прокурор вышагивал из угла в угол, Романкин что-то писал за столом. У стола примостился следователь прокуратуры, перед ним лежал лист бумаги, исписанный красивым почерком. Полковник подумал, что хотя в рассуждениях ученых и есть логика, но она основана только на предположении, а в доказательствах его помощников не только логика, но и не менее убедительные факты.

— Ну что? — нехотя спросил полковник.

— Ждем вас. У нас все готово,— ответил Романкин.

— Что готово?

— Прошу прочитать, здесь все написано.— Следователь передал ему лист бумаги.

— Ждем вашего согласия, чтобы приступить к делу,— заметил Романкин.

Полковник пробежал взглядом исписанный листок. Постановление на арест директора завода было мотивировано бесспорными фактами нарушения правил техники безопасности и противопожарного режима в цехе. Он должен был поставить свою подпись ниже подписи следователя, а вверху уже красовалась размашистая и уверенная подпись прокурора: «Арест санкционирую».

Сердце полковника екнуло. В памяти всплыли слова профессора: «Вести поиски причин взрыва намного полезнее, чем выжимать из перепуганного директора завода признание вины». Полковник резко повернулся, строго взглянул на прокурора.

— С этим повременим!

— Но я не могу ждать! Я по закону обязан принять решение. Ваше согласие для меня не обязательно.

— Без моего согласия вы не сделаете этого! Слышите? Я возражаю!

Звонкая, промерзшая степь. Снег кое-где растаял, показались черные неровные заплаты пахоты. Появившиеся днем ручейки к утру угомонились. Ночной морозец превратил в сосульки стебельки придорожного бурьяна.

«Победа» то прыгала по замерзшим комьям грязи, то проваливалась в рытвины, и тогда во все стороны разлетались черные брызги. Только опытный шофер мог вести машину. В «Победе» сидели полковник Романенко, прокурор Хиневич и техник Романкин.

Шофер видел в зеркальце пассажиров и не мог понять: поссорились они или просто недоспали? Первым заговорил Романкин:

— Что еще выдумали ученые?

— Пустая трата времени. Все эти эксперименты к уголовному делу не подошьешь,— сказал прокурор.

Романкин попытался разрядить обстановку шуткой:

— Будем вести уголовное дело на научной основе!

— Именно на научной! Что же здесь плохого? — отозвался полковник.

Окончание. См. «Огонек» № 31.

На склоне холма, перед самым обрывом, остановились. К машине подошел со своим спутником профессор Горбунов.

— Прекрасно, что все вы здесь! — сказал он.— Подготовка к эксперименту почти закончена.

Необычное зрелище открылось глазам приехавших. К столбу высоковольтной линии, пересекавшей степь, был присоединен кабель. Он змейкой вился на дно оврага, где к нему присоединялся другой кабель. Белые оголенные провода двух кабелей сцепились большим узлом. Внизу, у соединения обоих кабелей, хлопотали кандидат наук и группа специалистов. Подведя приехавших к оврагу, профессор Горбунов пояснил:

ШЕСТВИЕ

— Сейчас на место соединения двух кабелей будет насыпан аммонитовый порошок, такой же, как тот, что взорвался в цехе. Затем включим рубильник и сделаем искусственное замыкание — вольтову дугу с температурой в две с половиной тысячи градусов. И как вы думаете, что произойдет с аммонитом?

— Взрыв,— сказал прокурор.

— Полковник, а вы что скажете?

— Посмотрю, потом скажу!

— Проявляете осторожность... Ну, а ваше мнение? — обратился профессор к Романкину.

— Мое?.. Вольтова дуга превышает в несколько раз возможную температуру при тех нарушениях в электрическом оборудовании, которые нам известны...

— В этом и суть эксперимента. Взорвется аммонит — значит, будем глубже изучать электрооборудование цеха как возможную причину взрыва. Не взорвется — сразу отбросим эту версию и займемся другими.

Рабочие принесли в овраг бумажный мешок с аммонитом. Кандидат наук обратился к профессору:

— Можно высыпать?

— Высыпайте. Всем в укрытие! — скомандовал профессор.— Пойдемте, товарищи, со мной. Попытаемся подорвать все шестьдесят килограммов взрывчатки!

Никто не заметил условного сигнала, поданного профессором людям, находившимся у столба электропередач. Взмах руки над головой означал «включить рубильник». Таким же взмахом руки ответили и профессору: «Рубильник включен». И он вслух повторил:

— Вот и все. Рубильник включен!

Прокурор даже присел, ожидая оглушительного взрыва. Но его не последовало.

— Пойдемте, взрыва уже не будет! — Профессор первым вышел из укрытия. За ним остальные. Когда подошли к обрыву, на дне оврага горел аммонит, как горят древесные опилки.

— Для взрыва аммонита нужен более сильный импульс в виде капсюля-детонатора! — пояснил профессор.

— А возможно...— что-то хотел сказать прокурор.

— Все возможно! Эксперимент будем считать законченным лишь после трех-четырехкратной попытки взорвать аммонит.

Выводы экспериментов были ошеломляющими не только для прокурора. Притих и Романкин. Научные рекомендации оказались весьма полезными. В кабинете профессора впервые собрались все, кто хоть в какой-то мере был причастен к следствию.

Разговор начал прокурор:

— Безусловно, после вчерашнего эксперимента взгляды на некоторые объективные доказательства вины изменились. Однако это не означает, что подобные нарушения правил техники безопасности надо прощать!

— Прощение или отпущение грехов — это по вашей части, прокурор,— пошутил профессор.— Я же думаю, что прежде необходимо найти причину взрыва, тогда и вам легче будет принять решение.

Профессор сидел в кресле, курил, любуясь тем, как колечки дыма плавают в воздухе.

— А вы, профессор, вчера высказали мысль о необходимости более сильного импульса для взрыва. Что вы имели в виду? — спросил полковник.

— Это обычный капсюль-детонатор, который производится здесь же, на заводе, только в другом цехе,— ответил профессор.

— А как он мог попасть в этот цех?

— Не знаю. Но если детонатор все же попал, тогда неизбежен взрыв. Надо лишь выяснить, как он попал в цех. Но это уже задача больше следственная, чем научная,— улыбнулся профессор.

— Вы намекаете на возможность злого умысла? — Полковник окинул взглядом присутствующих.

— «Умысел», «диверсия» или что там еще... Все это категории вашего профиля, товарищ полковник. Мне о них судить трудно. А вот предположение даже об обычной халатности рабочих-грузчиков, которые могли завезти капсюль вместе с аммонитом, могу высказать!

После недолгой тишины снова заговорил прокурор:

— И все же нельзя сбрасывать со счетов того, что в цехе был сплошной хаос. Да мало ли где мог быть зажат аммонит так, что он взорвался!

— Все возможно,— сказал кандидат наук Сиверский.— Мы сейчас готовим ряд новых экспериментов. Если аммонит проявит «чувствительность» на трение, удары и прочее и взорвется, тогда будем искать возможную причину взрыва в узлах оборудования цеха.

— Сиверский начнет эти эксперименты завтра,— заметил профессор.— Прошу всех присутствовать.

— Майор Романкин обязательно будет,— сказал полковник.

— Ну, а я пошлю следователя,— сказал прокурор.

— Прекрасно! Пусть наши помощники займутся экспериментами, а нам надо поразмыслить.— Профессор снова закурил.— Не хочу от вас скрывать, что эти эксперименты могут дать лишь общее представление, если хотите, ориентировку для последующего разбирательства. Дело в том, что самый хорошо подготовленный опыт не воссоздает тех производственных условий, в которых находилась взрывчатка в цехе. Признаюсь, я несколько преувеличил значение экспериментов, чтобы сдержать ваш пыл и не допустить поспешных выводов.

— Так сказать, применили научный прием охлаждения голов,— пошутил полковник.

Профессор засмеялся и предложил:

— Давайте еще раз осмотрим место взрыва.

...И опять, в который уже раз, все они осматривали место взрыва. Только профессор и полковник стояли у самых воронок.

— А вы не задумывались, полковник, вот над этими воронками? — указал профессор тростью на две воронки, образовавшиеся посредине цеха.— Воронки правильной формы. До двух метров глубины, радиус примерно пять метров.

— А здесь нечего задумываться, профессор! Воронки образовались там, где в цехе стояли ящики с аммонитом.

— А вам известно, что при поверхностном взрыве аммонит не делает воронок?

— Не понимаю.

— Что ж тут не понимать! При взрыве аммонита взрывная волна идет вверх.

— Это предположение?

— Нет, наука! А вообще снова нужен эксперимент. Я думаю, что под полом цеха были какие-то заряды.

— Заряды? Как они могли туда попасть?..

— Не знаю. Вот если эксперимент подтвердит, что поверхностный взрыв аммонита не дает воронок, придется вам устанавливать природу этих зарядов.

— Допустим, там были заряды. Но как они могли попасть под пол?

— А это уже дело вашей профессии, полковник!

— Вы снова говорите загадками.

— Для меня воронки — большая загадка. Конечно, они могли образоваться от взрыва бомб или снарядов, которые со времен войны остались здесь. Но при взрыве бомб или снарядов в земле обязательно остается множество осколков. Надо завтра же организовать просев земли из воронок. Если не найдется мелких осколков, тогда я умываю руки. Тогда придется выявлять вам, как эти заряды попали под пол цеха.

— Вы абсолютно убеждены в этих загадочных зарядах?

— Почти убежден. Окончательно скажу после экспериментов и просева земли из воронок.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! Чем глубже мы пытаемся проникнуть в тайны взрыва, тем больше появляется новых загадок.

Собрав всех своих сотрудников, полковник сказал:

— Пора подвести итоги нашей работы. Первое слово предоставляю Романкину.

Романкин вздрогнул, удивленно посмотрел на своего начальника. К докладу он не готовился. И все же, овладев собой, заговорил:

— Намеченный вместе с прокуратурой план расследования уголовного дела в основном выполнен. Восстановлена картина цеха до его взрыва. Изучена вся технологическая и техническая сторона дела, выявлены уязвимые места. Таким образом, заложены основы дальнейшего расследования...

— Достаточно, майор! Доклад одобряю,— сказал полковник.— Это я и хотел от вас услышать. Важно, чтобы вы поняли: мы, выражаясь военным языком, только вросли в обстановку. Впереди непочатый край работы... Ну, а наш оперативный план?

— Могу доложить,— сказал Романкин.

— Нет. Докладывать будет капитан!

Величко вскочил со стула.

— Проверка лиц, имевших доступ в цех, закончена. Среди них нет таких, которых можно было бы подозревать в злом умысле.

— А сообщение деда о парашютистах?

— Тоже проверено. Ночной сторож действительно видел при лунном свете спускавшийся парашют. Но это был метеорологический зонд. Он найден.

— Садитесь, докладом доволен. Теперь главное в глубокой оперативной работе. Особое значение следует придать проверке двух версий: во-первых, возможно ли было подбросить капсюль-детонатор в цех? Во-вторых, мог ли капсюль попасть туда случайно? В обоих случаях выяснить, где, в каком месте технологической цепочки возможен взрыв капсюля.

Высказанная профессором мысль о возможном взрыве под полом цеха какого-то заряда взволновала полковника. «Что это за заряд? Реально ли это предположение? А если все же воронки образовались в результате взрыва аммонита в цехе?» Неделю полковник занимался расследованием. Вместе с профессором провел не один день на полигоне вдалеке от города, принимая участие в проведении различных экспериментов. Неоднократные наземные взрывы аммонита в степи не дали воронок. Взрывали сто, сто пятьдесят и триста килограммов — на стерне оставалось подметенное взрывом, гладенькое место.

— Так и должно быть! — заговорил профессор.— Зачем же взрывной волне лезть в землю, когда вверху простор и свобода? То же произошло и в цехе. Взрывная волна пошла вверх и в стороны. Она разнесла здание. Нет, дорогие коллеги! Теперь я могу вам категорически сказать: в местах образования воронок под полом цеха взорвались какие-то заряды! Какие? Не спрашивайте, не знаю. Но они, эти загадочные заряды, там, безусловно, были.

— А если этот же аммонит закопать в землю и взорвать? — спросил полковник.

— Образуется воронка. Любой подземный взрыв обязательно образует воронку,— ответил профессор.— Мы вам это можем сейчас продемонстрировать.

...В земле была выкопана ямка в полметра. В нее насыпали сорок килограммов взрывчатки и подорвали. Взрыв дал воронку точно такую, как две воронки на месте взрыва в цехе.

— Если бы под полом цеха скопился аммонит и взорвался, тогда можно было бы объяснить природу образования воронок. Но вы знаете, что пол в цехе асфальтирован и просыпаться аммонит не мог.

...Ничего не дали и эксперименты на «чувствительность» аммонита при трении и ударах. На токарном станке в специально приспособленных цилиндрах подвергали аммонит самой большой силе трения, а взрыва не произошло. Ударяли аммонит и механическим кузнечным молотом, но он только обуглился, но не взрывался.

— Странная взрывчатка,— удивился Романкин, докладывая полковнику.— Чернеет, обугливается, а не взрывается. Правильно говорил профессор, что для взрыва аммонита нужен возбудитель большой силы. А если насыпать взрывчатку в костер, что будет?

— При пожаре в цехе могла создаться взрывоопасная обстановка. Но вы же знаете, что пожара не было,— сказал полковник.

В этот день на месте взрыва было много людей. У самых воронок женщины установили большое решето и просеивали землю, взятую из воронок. На развалинах с лопатами работали чекисты. Из обломков кирпича они выбирали искореженные металлические детали оборудования. Полковник, щурясь от ярких лучей весеннего солнца, обошел место работы и, убедившись, что его указания выполняются, ушел в свою конторку. Так называл он маленькую комнатку на первом этаже заводоуправления, в которой разместилась оперативная группа МГБ.

Размышления полковника прервал телефонный звонок. Звонил генерал. Как полковник ни избегал этого разговора, все же объясняться пришлось.

— Столько времени сидите на заводе, а до сих пор я не слышу вашего доклада о результатах расследования,— упрекнул генерал после обычных слов приветствия.— Прокурор мне сказал, что уголовное дело...

— В уголовном деле действительно материалов достаточно, чтобы судить руководителей завода за нарушение правил безопасности. Но мне не хочется, чтобы потом кто-либо исправлял наши ошибки.

— Что вы такое говорите! Объясните толком, пожалуйста.

— Все то, что вам докладывал прокурор, правда. Но я лично не уверен, что именно нарушения правил безопасности являются причиной взрыва.

— Вы меня подводите, полковник! Меня спрашивают о результатах расследования, а что я буду докладывать? Вас бы посадить на мое место! Прошу завтра доложить о расследовании!

— Слушаюсь, товарищ генерал.

...Вечерело. Солнце скрылось за горизонтом. По улице поселка шли рядом прокурор и полковник. Навстречу им спешили люди. В небе плыла черная туча — вот-вот хлынет дождь.

— Приехали мы с вами сюда зимой, а уже весна...— сказал прокурор.

— Еще и лето здесь встретим,— невесело пошутил полковник.

— А вы не думаете, полковник, что мы с вами уже скомпрометировали себя? Люди говорят о нашей неспособности.

— О репутации думаете?

— Погибли люди, такой ущерб нанесен государству, а никто пока не понес за это наказания!

— Снова по принципу: око за око, зуб за зуб?

— Ваш юмор не к месту! А ваше упрямство уже становится невыносимым. Я вынужден буду действовать самостоятельно.

— Какие слова! Еще скажите: вверенной мне властью... Давайте уж вместе проявим выдержку и терпение...

Проснулся полковник от шороха в комнате. Романкин готовил завтрак. Он принес чай, несколько вареных яиц, банку тушенки.

— Пора, товарищ полковник! Уже скоро девять.

— Вы вчера поздно пришли? Я не слышал.

— Заканчивал проверку людей. Организовал экспертизу деталей оборудования.

— Ну, и каковы ваши заключения?

— Такие заключения, товарищ полковник, что на заводе нет человека, способного умышленно подбросить детонатор.

— Ну, а случайное попадание детонатора возможно?

— Безусловно, возможно. Детонаторы производятся на этом же заводе, и хранение их организовано плохо. Мы уже нашли на территории завода несколько штук. Детонатор мог случайно попасть в мешок с аммонитом, и его могли завезти в цех. Попав в оборудование, он неминуемо был бы раздавлен, от чего произошел бы взрыв... Но попасть-то детонатор в оборудование мог только через протирочную машину.

— Что это за машина?

— Аммонитовый порошок завозят в цех в бумажных мешках, где он может слежаться. И чтобы размять слежавшиеся груды аммонита, его засыпают в протирочную машину. Там он разминается крыльчатым маховичком, а затем червячный винт подхватывает его и тянет в шнековый аппарат, где производится зарядка патронов. Если в аммонит попал детонатор и его вместе с аммонитом засыпали в протирочную машину, то взрыв обеспечен. Но есть и «но».

— Что же это за «но»?

— Если бы детонатор попал таким образом, взрыв обязательно был бы в протирочной машине.

— Почему обязательно?

— Потому что другой возможности проскочить постороннему предмету в аппараты нет. Шнековые аппараты закрыты сплошным металлическим кожухом. А со стороны протирочной машины имеется решетка, через которую червячным винтом, шнеком продавливается аммонитовый порошок, и малейший твердый предмет решетка задержит. Поэтому если бы детонатор попал в протирочную машину, то он в ней бы и взорвался. Но в таком случае протирочная машина была бы разрушена с внутренней стороны. Мы собрали части разрушенной протирочной машины. И уже внешний осмотр дает основание безошибочно заключить, что она разрушена с внешней стороны.

— Логика есть в ваших суждениях, но это нужно закрепить экспертизой.

— Мы уже направили разрушенные части протирочной машины на экспертизу.

Вечерело, когда профессор позвонил полковнику:

— Очень хочу вас видеть!

В кабинете научно-технической экспертизы плавал сизый дым. Профессор сидел в своем излюбленном кресле, на лице его усталость и озабоченность. Кандидат наук за приставным столиком что-то писал. Едва полковник переступил порог кабинета, профессор сказал:

— Попали в заколдованный круг, полковник. Помогайте нам: возможности науки исчерпаны.

— Знаю, профессор, что вы все больше склоняетесь к возможной диверсии.

— Слово «диверсия» больше ваше, а не научное. Я еще не совсем понимаю. Но во взрыве много необычного, загадочного!

— Под полом цеха, в местах образования воронок, взорвался какой-то заряд. Это теперь не вызывает сомнения! — сказал кандидат наук.

— Допустим, что так. Но тогда вы должны нам раскрыть природу этого заряда. Вы же знаете, осколков не нашли, взрыв бомбы или снаряда исключается.

— Заряд мог быть в мягкой оболочке,— заметил кандидат наук.

— Что же это за заряд в мягкой оболочке? — повысил голос полковник.

— Такие заряды бывают, полковник! — сказал профессор.

— Кто же нам тогда скажет, хотя бы предположительно, что это за адская машина, которая пролежала в земле больше года, а затем взорвалась? Вы же знаете, что цех восстановлен год тому назад, и пол тогда заасфальтировали. Значит, тогда же он и заложен, этот загадочный снаряд?

— Не горячитесь, полковник! Надо еще нам подумать, авось, и дадим ответ на совершенно непонятное явление.

— Мы уже допускали невероятное. Допускали, что заложен снаряд, а провода были выведены наружу. Но поиски этих проводов не дали результатов.— Полковник затянулся, и его лицо скрылось за облаком дыма.

— Предположение о заряде с проводами тоже маловероятно. Учтите условия хранения этого снаряда: сырость, влага...

— Если допустить, что совершена диверсия, есть более легкий способ для ее осуществления.

— Какой, полковник? — спросил кандидат наук.

— Достаточно подбросить в оборудование капсюль-детонатор.

— Или если он попадет туда случайно,— добавил профессор.

— Все это верно, профессор. И все абсолютно исключается!

— Почему исключается?

— В шнековые аппараты капсюль может попасть, как вы знаете, только через протирочную машину. Значит, взрыв будет только в протирочной машине. В шнековые аппараты его не пропустит решетка.

— Тоже правильно. Но взрыв обязательно будет. Крыльчатка протирочной машины раздавит капсюль...

— Я тоже говорю, профессор, что правильно. Но прошу, не теряйте главной нити в наших рассуждениях. Я же только что докладывал вам, что взрыва в протирочной машине не было. Вот читайте.— Полковник передал профессору лист бумаги.

Профессор прочитал: «Исследование обломков протирочной машины показало, что она разрушена с внешней стороны силой взрыва в цехе...»

— Не понимаю, полковник.

— Мои хлопцы откопали обломки протирочной машины и отправили на исследование. Вот результат.

— Сдаюсь, полковник! Ваши хлопцы, прямо скажу, молодцы. И нам нос утерли!

— Нет, профессор, никому мы нос не утирали. Но доказательства о том, что ни о какой диверсии и речи быть не может, собрали убедительные. Даже ваш помощник не может ничего возразить.

— Логика железная, сдаюсь,— сказал кандидат наук.

— Давайте, профессор, все же допустим, что капсюль попал в протирочную машину и вызвал взрыв. Почему же тогда образовались воронки?

— Верно, верно, полковник! Совсем забыл о воронках.

— Что вы здесь натворили? — спросил профессор, указывая тростью на площадку цеха.— Проводили какие-то раскопки?

— Проводили, профессор,— ответил полковник.— Вот здесь выкопали ров вокруг фундамента цеха. Искали провода от воронок за стенами цеха. Все проверяем ваши предположения о наличии под цехом каких-то зарядов.

— Ну, а канава зачем же?

— Допустим, эти заряды были заложены при строительстве цеха и проводки для взрыва выведены за цех. Ну, а эти горы земли рабочие вынули из воронок и просеяли в поисках осколков от взорвавшихся бомб или снарядов.

— Вижу и понимаю.— Профессор поднял какую-то железку, остановился, рассматривая ее.— Полковник, смотрите, по форме похоже на осколок.

— Ерунда! Вчера девушки откопали в воронке эту железку и показали ее мне. Наверное, обломок сковородки. Вы же не думаете, профессор, что бомбы или снаряды могли быть в чугунной оправе?

— Нет, конечно. Обязательно должен быть стальной кожух!

— Ну, а это крупнозернистый чугун. Присмотритесь!

— Фу ты, сразу не заметил! И без анализа видно, что чугун!

Окурок во рту полковника догорел до самых губ. Кажется, он забыл о нем. И, только почувствовав ожог, он выплюнул его в воронку. На воде на самом дне воронки раздался легкий всплеск и засиял отблеск цвета радуги. Полковник насторожился, присел на корточки, всмотрелся в воронку. Бросил туда комочки земли. На поверхности воды еще ярче вырисовывались жирные пятна, спектром радуги они разошлись на воде.

— Профессор! Бросьте свою железку, скорей идите сюда! — крикнул полковник.

— Что случилось?

— Интересное явление, смотрите!

Оба склонились над воронкой.

— Черт возьми, ведь это может быть разгадкой тайны! Как я раньше не догадался!

— Что вы имеете в виду, профессор?

— Химический анализ воды и почвы даст нам возможность понять, какие вещества взорвались в этих воронках. Немедленно химический анализ!

— Вы придаете этому такое большое значение...

— Да, да, очень большое значение. Если не решающее! С помощью химического анализа мы подойдем к причинам взрыва. А случайность, батенька, всегда обусловлена закономерностью. Закон философии.

Все собрались в кабинете научно-технических экспертов в заводоуправлении.

— Химическая экспертиза установила наличие в почве остатков динитрохлоргидрина,— сказал профессор.— Это — взрывчатое вещество; производили его немцы. В Советском Союзе оно никогда не производилось, и мы его у немцев никогда не покупали. Вот здесь, в этом толстом справочнике, описаны свойства динитрохлоргидрина. При воздействии влаги и солнца он самовзрывается. Описан и один случай такого самовзрывания. В 1928 году шведы закупили у немцев большую партию этой взрывчатки. Перевезли ее пароходом и сгрузили под навесом порта. А через пять дней произошел взрыв, причинивший много разрушений. Оказалось, что от воздействия солнечных лучей, отражающихся от поверхности моря, взрывчатка нагрелась и взорвалась. Полковник, вы улавливаете ход моих мыслей? — спросил профессор.

— Конечно. Мне еще вчера позвонили и сообщили эти свойства взрывчатки. Ночью был вскрыт пол в цехе. В других местах тоже найдены бумажные мешки с динитрохлоргидрином. Установлено, что в этом цехе во время оккупации немцы производили зарядку мин. А когда стали отступать, цех разрушили. Но часть мешков, лежавших в сторонке, не взорвалась, они так и лежали под развалинами. Когда наши строители восстанавливали цех, то бульдозеры сровняли площадку, мешки эти оказались под полом цеха.

— Так-так. И взрывчатка лежала в земле, влага постепенно разлагала бумажные мешки. Намокнув, взрывчатка самовзорвалась, а уже от ее взрыва сдетонировал и аммонит, находившийся в цехе. Вы согласны, товарищ прокурор? — закончил профессор.

— Конечно! — Прокурор пожал плечами.

— Вот видите, полковник, и прокурор согласен! — сказал профессор.

НА СЦЕНЕ МАЛОГО — ГОРЬКОВСКИЙ ТЕАТР

Добрая дружба связывает два старейших русских театра — наш Малый театр и Горьковский академический театр драмы имени М. Горького.

В летописи обоих театров много прославленных имен, их историю составляют корифеи русской драматической сцены. Дом Щепкина в Москве и сцена Нижнего Новгорода знали в разные времена Щепкина и Стрепетову, Живокини и Ленского, Федотову и Ермолову и многих других великих артистов и режиссеров, созидателей русской сцены, ее основоположников.

И не случайно сегодня горьковчане, гастролирующие в Москве, играют на сцене Малого театра, а труппа Малого недавно показывала свои спектакли в Горьком: это — проявление никогда не прерывающихся творческих контактов, прочно установившихся между двумя нашими театрами.

В знаменательное время для города Горького и театра имени Горького приехали в Москву горьковчане: в сентябре нынешнего года Нижнему Новгороду, а теперь городу Горькому, исполняется 750 лет. Театр же начнет свой 174-й сезон.

К юбилею своего города театр подготовил новый спектакль — «Царевна-лебедь», осуществив постановку поэтической трагедии Ильи Сельвинского, рассказывающей о драматических днях русского государства, о борьбе за русский престол, о героических подвигах славных представителей русского народа, в честь которых и ныне стоит памятник на Красной площади — всем известные Минин и Пожарский.

Мрачными и зловещими кажутся царские палаты Годунова, тревожными, пугливыми — девичьи хороводы вокруг юной царевны Ксении... Плач стоит на Руси. С чужеземным войском пришел на Москву самозванец Гришка Отрепьев, Лжедмитрий... Нижегородский князь Пожарский и Минин, простолюдин, человек, преданный своей отчизне, поднимают народ на борьбу за свободу отечества. И как немеркнущий факел любви освещает их путь многострадальная душа царевны Ксении...

В годину междуцарствия девушка-сирота царевна Ксения становится жертвой произвола врагов. Проклятая церковниками, преданная друзьями, она встает рядом с Мининым и Пожарским.

В центре внимания постановщика А. Тумиловича — драматизм народной борьбы, предельная напряженность исторического момента. Декорации художника А. Великанова очень выразительно передают режиссерский замысел, подчеркивая эмоциональное построение трагедии.

Исполняющая роль Ксении молодая артистка М. Алашеева показывает нам свою героиню динамично, в развитии. Она проживает жизнь героини, начиная от наивной девочки, играющей в саду с куклой, до героической подруги князя Пожарского. Его прекрасно, сильно играет заслуженный артист РСФСР В. Вихров.

Сцена из спектакля «Царевна-лебедь».
Фото И. Галанюка.

Артиста Вихрова мы видели также и в очень сложной роли Вальтера Кречмера, которую он играет в очередь с народным артистом РСФСР С. Ожигиным в спектакле «Пассажирка».

Как «Царевна-лебедь», так и «Пассажирка» москвичам были незнакомы. Тем интереснее оказалось знакомство со спектаклем, где режиссер К. Дубинин и художник Л. Арапов опять-таки нашли для всех образов свои краски и оттенки, своеобразную манеру речи, сценического движения, что, на мой взгляд, всегда свидетельствует об артистическом даровании большого диапазона, свойственном всему коллективу наших друзей-горьковчан.

Московские зрители по достоинству оценили талант заслуженной артистки БССР Л. Дроздовой, играющей в «Пассажирке» Лизу Кречмер. Ее Настя в горьковском спектакле «На дне», Софья — в «Горе от ума» — свидетельство лучших, живых и ярких традиций театра.

Традиции эти сохраняются и в самой постановочной манере режиссеров Б. Воронова, Б. Малкина и К. Дубинина — главного режиссера театра и в манере актерского исполнительства.

Ведут свое начало эти традиции от замечательного русского режиссера Николая Ивановича Собольщикова-Самарина. Он бережно сохранял и укреплял высокие художественные принципы творческой жизни театра, принципы реализма и правды образов, психологической глубины характеров персонажей...

Идейная насыщенность в сочетании с яркой театральностью, отточенностью формы — вот эстафета, которую принял и много лет с блеском нес народный артист СССР режиссер Н. А. Покровский. С его именем, кстати сказать, связана единственная в истории советского театра постановка в одном сезоне сразу трех пьес великого их земляка Максима Горького: «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»,—объединенных одной общей мыслью.

В театре начиная с 900-х годов Горький постоянно в репертуаре; и по сей день «школа Горького» является в творчестве театра отправной точкой: отсюда берет свое начало ясно определившееся стремление коллектива — показывать на сцене человека-героя, человека — творца и созидателя.

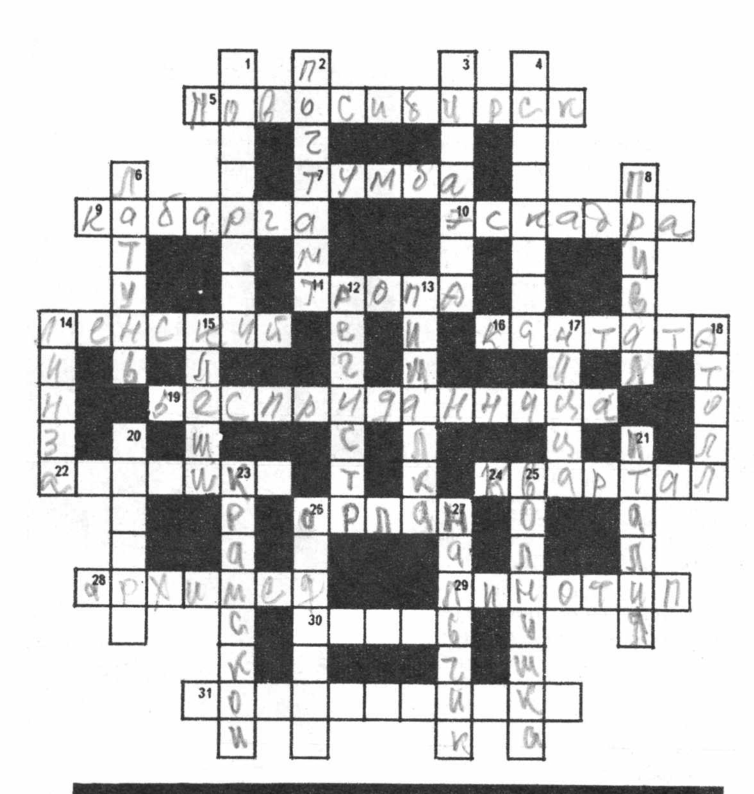
Именно такую задачу ставил перед собой театр, работая над «Третьей, Патетической» Н. Погодина, «Любовью Яровой» К. Тренева, «Сестрами Нечаевыми» Т. Глебовой и другими пьесами революционного звучания.

Но и современная тема — человек сегодняшнего дня с его нравственным миром, острым чувством ответственности перед обществом и историей — глубоко занимает и волнует театр. Об этом красноречиво говорят такие спектакли, как «Мое сердце с тобой» Ю. Чепурина, «Единственный свидетель» А. и П. Тур, «Арктический роман» В. Анчишкина и П. Павловского.

Приезд горьковчан — значительное событие гастрольного лета в Москве.

Поздравляя наших дорогих гостей с предстоящими юбилейными датами города и театра, хочется пожелать им и впредь той же высокой взыскательности к своему творчеству и, конечно же, больших новых успехов.

И. ЛИКСО,
народная артистка РСФСР

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Областной центр в РСФСР. 7. Низкий столбик у тротуара или дороги. 9. Животное семейства оленей. 10. Крупное соединение кораблей военно-морского флота. 11. Узкая дорожка. 14. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 16. Вокально-инструментальное произведение. 19. Пьеса А. Н. Островского. 22. Горный массив на Кавказе, возвышающийся над Гагрой. 24. Часть города. 26. Птица семейства ястребиных. 28. Древнегреческий механик и математик. 29. Наборная машина. 30. Приток Тобола. 31. Коробка для сбора растений.

По вертикали: 1. Рассказ М. Горького. 2. Предприятие связи. 3. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 4. Оборонительное подводное заграждение из свай. 6. Сплав меди с цинком. 8. Отдых в пути. 12. Ряд труб в органе. 13. Русский народный духовой музыкальный инструмент. 14. Оптическое стекло со сферической поверхностью. 15. Щипцы. 17. Курорт во Франции. 18. Коралловый остров. 20. Народный поэт Башкирской АССР. 21. Государство в Европе. 23. Русский живописец, художественный деятель, педагог. 25. Гриб. 26. Средний уровень воды. 27. Столица Кабардино-Балкарской АССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 5. Балакирев. 8. Гейне. 9. Купол. 10. Баркарола. 14. Арматура. 16. Светофор. 18. Саржа. 20. Лидер. 21. Альпы. 22. Аспирантура. 23. Ферма. 25. Киото. 26. Алдан. 27. Карнавал. 29. Гастроль. 30. Свешников. 33. Скетч. 34. Окунь. 35. Писемский.

По вертикали: 1. «Калевала». 2. Байбак. 3. Диктор. 4. Геркулес. 6. Секретер. 7. «Хористка». 11. Азербайджан. 12. Архипелаг. 13. Госпиталь. 15. Рессора. 17. Витрина. 18. Слива. 19. Алтын. 24. Атабаска. 25. Катарина. 28. Лавочкин. 29. Геология. 31. Шалфей. 32. Ижевск.

На первой странице обложки: Саша Бойбу и Максим Лопсан, студенты Кызылского училища искусств. Фото Ю. Кривоносова и Л. Шерстенникова.

На последней странице обложки: Эти снимки сделаны на большом сельском празднике — сабантуе жителей Илишевского района, Башкирской АССР.

Фото Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 20/VII-71 г. А 08188. Подп. к печ. 3/VIII-71 г. Формат бумаги 70 × 108⅛. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1334. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1618.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МАРТА ФЕЙХТВАНГЕР В «ОГОНЬКЕ»

В журнале «Огонек» на днях побывала Марта Фейхтвангер, вдова известного немецкого писателя Лиона Фейхтвангера. Ее сопровождал заведующий отделом иностранной комиссии Союза советских писателей В. И. Стеженский. Живая, полная сил и оптимизма, Марта Фейхтвангер давно мечтала посетить Советский Союз. Она приехала, чтобы увидеть на кинофестивале фильм «Гойя», поставленный по одноименному роману Лиона Фейхтвангера.

— Когда я узнала об этом фильме, — рассказывает Марта Фейхтвангер, — то, если говорить честно, опасалась, что он не будет соответствовать роману. Но потом подумала: ведь этот фильм поставили такие две страны, как СССР и ГДР, и поэтому он просто не может быть плохим! Мой муж был большим поклонником советского кино: он смотрел первые ваши фильмы — «Броненосец «Потемкин», «Октябрь» и многие другие. Эти фильмы были настоящей сенсацией для Запада, где киноискусство в те годы не поднималось на такие высоты... Наконец я увидела «Гойю». Я была очень обрадована. Какое точное совпадение с книгой! В отличие от моего мужа я всегда относилась с большим предубеждением к цветному кино: мне казалось, что цвета роскоши будут доминировать в фильме. Но этого не произошло: фильм полностью выдержан в цвете Гойи, поэтому он и получился таким правдивым.

Советский актер Банионис, играющий главную роль, блестяще претворил в жизнь идею романа. Я не хочу умалить игру других актеров — все они великолепны, но все же Баниониса хочется отметить особо... Да, я не зря почти сутки летела на самолете из Лос-Анджелеса!

Мы попросили Марту Фейхтвангер поделиться своими впечатлениями о Москве.

— О старой Москве, — сказала она, — я имела представление по фотографиям, документальному кино и, признаться, боялась, что новая Москва потеряла свое прежнее обаяние. Но и эти опасения рассеялись: ваша столица очень-очень красива! Прекрасно и удивительно сочетание величественной древней и современной красоты...

Главной темой беседы стали воспоминания о Лионе Фейхтвангере. Рассказывая о великом писателе, Марта Фейхтвангер сказала:

— Сейчас я работаю над его биографией; собираю архивы, ищу неизвестные материалы. Я, естественно, покажу отношение писателя к Советскому Союзу, к советской литературе. В Соединенных Штатах этой темы не любят, но я это сделаю.

Наше знакомство с советской литературой началось очень давно, когда мы с Лионом были совсем молодыми; он, как писатель, для мира еще пребывал в полной неизвестности. В те далекие, юные годы мы побывали на Капри. Гуляя по улицам, однажды услышали стук пишущей машинки; он раздавался из маленького домика. Нам сказали, что здесь живет великий русский писатель Максим Горький. Мы стояли зачарованные у двери его дома и слушали пишущую машинку... Позднее Фейхтвангер переписывался и встречался с Горьким, который, как известно, высоко ценил творчество моего мужа, его заинтересованность судьбами простых людей. Лион Фейхтвангер очень гордился оценкой великого писателя.

Да, мой муж дорожил своими добрыми отношениями с советскими читателями, всегда получал от них много писем; получаю их до сих пор и я; у меня есть постоянный корреспондент в Ростове-на-Дону... Из Советского Союза мне высылают книги мужа, изданные на языках народов вашей страны...

Я вспоминаю годы, когда писатели Борис Полевой, Анатолий Софронов и другие посетили нас в Лос-Анджелесе. На следующий день американские газеты вышли с таким аншлагом: «Красный коктейль у Лиона Фейхтвангера». Я помню, писатели приглашали Фейхтвангера еще раз посетить Советский Союз; он ответил им: «Мне осталось мало жить, а я должен написать все, что задумал. У меня совсем, совсем не остается времени...»

Лион много работал. Стоя за высоким столом, он проделывал титанический труд: сначала он писал стенографическими значками, затем диктовал текст. Потом писал новый вариант на красной бумаге, второй — на синей и затем уже переписывал на белую бумагу. Но и этот вариант подвергался последующей обработке... Первые варианты Лион поверял мне. После этого мы шли в парк, где обменивались мнениями... Говорили увлеченно, страстно, громко. Как-то он меня прервал и сказал: «Давай говорить потише, а то косули подумают, что мы ссоримся...»

Лион читал свои варианты и друзьям, но на немецком языке с сильным баварским акцентом. В этой связи он горько шутил: «Гитлер лишил меня германского гражданства, но он не смог лишить меня баварского акцента».

Прощаясь с огоньковцами, Марта Фейхтвангер написала несколько строк нашим читателям:

Ich grüße die Leser des Ogonjok, das mir schon immer bekannt war. Und ich grüße die Leser die die Bücher Lion Feuchtwangers gelesen haben und hoffentlich auch weiter lesen. Lion Feuchtwanger sprach immer mit großer Freude über das Verständnis, das seine russischen Leser ihm entgegengebracht haben

In Stellvertretung
Marta Feuchtwanger
28. Juli 1971

«Приветствую читателей «Огонька», которых я знаю с давних пор. И я приветствую тех, кто читал книги Лиона Фейхтвангера и, я надеюсь, будет их и впредь читать. Лион Фейхтвангер всегда с большой радостью говорил о понимании, которое он встречал у русских читателей».

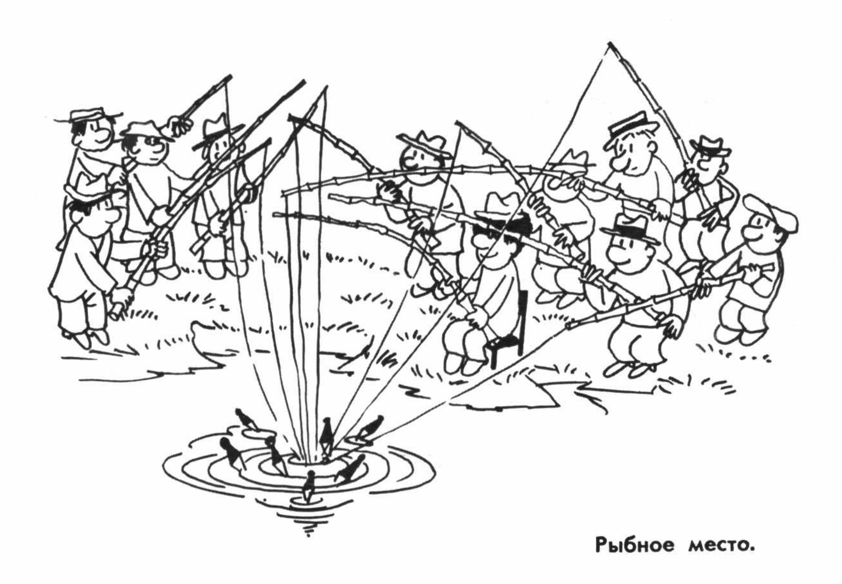
— Скоро суббота!

— Люблю слушать, как дятел стучит...

Магнитная тара.

Рисунок В. Кащенко.

Рыбное место.

— А этот мы посадим в саду.

Рисунки В. Тильмана.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

